

СВОБОДНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА ДЛЯ РОССИИ:

За 1 номеръ 40 коп.

За 6 номеровъ 2 руб.

За 12 номеровъ 4 руб.

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

„НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ, А ВЪ ПРАВДѢ.“

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Подъ редакціей В. Черткова.

PRIX D'ABONNEMENT:

Un numéro 1 fr. 10 d. 85 pf.

6 numéros 5 fr. 4 sh. Mk. 4,25.

12 numéros 10 fr. 8 sh. Mk. 8,50.

PORTO — FRANCO.

Адресъ редакціи и издательства: А. Tchertkoff, Christchurch, Hants, England.

Отказъ адвоката Нэна отъ воинской повинности въ Швейцаріи.

П. Бирюкова.

23-го сентября сего года въ городѣ Фрибургѣ, происходилъ судъ надъ адвокатомъ Нэномъ, отказавшимся явиться въ строй для отбыванія учебнаго сбора.

Въ Швейцаріи нѣтъ постоянного войска. Всѣ граждане мужескаго пола въ извѣстный возрастъ должны быть готовы по первому призыву явиться въ ту часть, въ которой они записаны. Это случается нѣсколько разъ въ годъ по разнымъ поводамъ, какъ напримѣръ: осмотръ аммуниціи, для торжественныхъ процессій, на учебный сборъ, на маневры и для умирненія внутреннихъ безпорядковъ. Нѣкоторые призывы продолжаются нѣсколько дней, другіе нѣсколько недѣль, какъ напримѣръ осенній учебный. Существуетъ предѣльный возрастъ, а также и другія различныя послабленія для желающихъ уклониться отъ военной службы. Богатому человѣку довольно легко достать себѣ увольнительное свидѣтельство, нѣкоторые уѣзжаютъ на время службы за границу и являются домой только на время, не прописываясь, и такимъ образомъ долгое время уклоняются отъ службы, а если попадаютъ властямъ, то отдѣлываются сравнительно легкимъ штрафомъ или короткимъ арестомъ. Но все это легко сходить съ рукъ людямъ, уклоняющимся отъ военной службы по своимъ личнымъ выгодамъ; такіе люди не опасны, и ихъ вообще не много. Швейцарская военная служба имѣетъ еще ту особенность, что она сравнительно очень легка и потому мотивомъ уклоненія отъ нея не можетъ быть тягота военной службы. Огромная масса молодыхъ людей смотрятъ на это занятіе, какъ на особаго вида спортъ. Тѣмъ болѣе интереса и важности представляютъ въ Швейцаріи отказы отъ воинской повинности по убѣжденію. Такіе отказы бываютъ здѣсь, какъ впрочемъ и вездѣ, среди людей двухъ родовъ убѣжденій: среди сектантовъ и среди анархистовъ*). Въ сектантской средѣ были отказы и всякаго рода уклоненія у анабаптистовъ, дарбистовъ и салютистовъ. Большею частью эти отказы карались тюремнымъ заключеніемъ, но они не производили большой сенсаций, во-первыхъ, потому что секты, къ которымъ принадлежали отказывающіеся, очень мало популярны, а во-вторыхъ, потому что религія, какъ ее понимаютъ въ Швейцаріи, есть дѣло частное, и отказывающійся по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ — отказывается такъ сказать по домашнимъ обстоятельствамъ, которыя, хотя и не даютъ права на отказъ, но вообще уважаются, и съ которыми

спорить нельзя. Я полагаю, что отказы эти имѣли мало значенія потому, что мотивомъ ихъ были уакіе сектантскіе принципы, а не обще-религіозныя основы.*)

Но вотъ съ нѣкоторыхъ поръ — надо считать два, три десятка лѣтъ — завелась страшная для современнаго буржуазнаго строя язва — такъ называемый анархизмъ. Для современнаго строя это дѣйствительно язва разлагающая его. Но я назову его лучше ферментомъ, закваской, отъ малаго количества которой вскисаетъ все тѣсто. Анархизмъ живетъ, развивается, проникаетъ въ массы и все-таки не признается большинствомъ социологовъ за самостоятельную доктрину. Я думаю, что социологи правы. Анархизмъ не есть социологическая или политическая доктрина. Анархизмъ есть своего рода религія, по крайней мѣрѣ, онъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторые элементы религіи — единство идеи, охватывающей всю жизнь, въ ея цѣломъ и во всѣхъ ея частностяхъ, идеаль добра, правды впереди и искренній послѣдовательность индивидуальныхъ успѣховъ въ борьбѣ съ существующимъ строемъ — и въ стремленіи къ этому идеалу.

Вотъ эта-то искренность, простота, постановка вопросовъ ребромъ и представляетъ самый опасный элементъ въ анархизмѣ для современнаго строя. И одно изъ проявленій этой искренности есть отношеніе къ воинской повинности.

И отказы такихъ людей отъ воинской повинности, людей часто не носящихъ на себѣ никакой клички, даже анархической, но дѣйствующихъ во имя простой челоѣчности, имѣютъ по-моему мнѣнію наибольшее вліяніе.

И именно къ такого рода отказамъ принадлежитъ отказъ Нэна.

Призванный въ этомъ году къ отбыванію воинской повинности во время учебнаго сбора въ свою батарею, онъ отказался и мотивировалъ свой отказъ слѣдующимъ письмомъ на имя начальника военнаго департамента своего кантона:

«Милостивый Государь!

«Военныя объявленія призываютъ меня принять участіе черезъ нѣсколько дней въ сборѣ войскъ. Извѣщаю Васъ, что я не пойду на этотъ сборъ по слѣдующимъ причинамъ: наступила эпоха, когда интересы цивилизованныхъ народовъ и ихъ нравственное чувство совершенно противны этимъ организациямъ массоваго убійства, о которыхъ такъ заботится всѣ правительства. Только выгоды привилегированнаго меньшинства въ соединеніи съ суевѣріями и рутинной толпы поддерживаютъ еще арміи и допускаютъ войны.

«Что касается до меня, то я не принадлежу къ этому привилегированному меньшинству, и мнѣ не представляетъ никакой выгоды поддержаніе патріотическихъ суевѣрій. Съ другой стороны, по многимъ причинамъ считая моихъ сосѣдей за Рейномъ и за Альпами за своихъ близкихъ, и никакъ не могу принять на себя отвѣтственность, какъ бы мала она ни была, за участіе въ такомъ учрежденіи, которое завтра можетъ причинить смерть огромному количеству людей и которое изъ дня въ день истребляетъ баснословныя богатства, тогда какъ миллионы подобныхъ мнѣ живутъ въ нищетѣ.

«Я готовъ нести всѣ послѣдствія моего рѣшенія, предпочитая

*) Въ русскомъ обществѣ объ анархистахъ существуютъ совершенно ложныя представленія. Ихъ большею частью стараются изобразить или разбойниками, лишенными всякаго понятія о честности, или фанатиками, безумцами, полными жажды разрушенія во что бы то ни стало; анархизмъ же стараются представить, какъ ученіе, разрушающее всякую возможность общественной жизни, — какъ что-то жестокое и нечеловѣческое.

И анархизмъ, и анархисты грубо оклеветаны. Среди анархистовъ не мало можно встрѣтить людей самыхъ возвышенныхъ душевныхъ качествъ, стремящихся иногда вполне сознательно, иногда безсознательно воплотить въ жизни высокіе идеалы христіанскаго ученія. Анархизмъ борется противъ современнаго государственнаго строя, давно отжившаго свой вѣкъ. Анархизмъ стремится освободить челоѣческую личность отъ того невыносимаго гнета государства, который мѣшаетъ ей жить и свободно развиваться. „Анархія“ въ точномъ переводѣ значитъ „безвластіе“, а вовсе не „безпорядокъ“, какъ многіе ошибочно толкуютъ.

Если же среди анархистовъ, какъ и среди всякихъ другихъ людей, и встрѣчаются люди, которые совершаютъ убійства и насилія, то они этимъ самымъ отступаютъ отъ анархизма, который заключается въ отрицаніи всякой власти, всякаго права насилія одного челоѣка надъ другимъ. Ред.

*) Авторъ несомнѣнно имѣетъ въ виду тѣхъ сектантовъ, которые отказываются отъ военной службы исключительно въ силу заповѣди: „не убій“, но въ то же время признаютъ всѣ другія учрежденія государственнаго строя, суды и тюрьмы, выражаютъ въриподданническія чувства, платятъ подати и т. п., не соображая того, что весь существующій государственный строй всѣхъ странъ, будучи основанъ на насиліи, противорѣчитъ истинному христіанскому ученію и никакъ не можетъ обходиться безъ войска. Ред.

ихъ тѣмъ, отвѣтственность за которыя мнѣ пришлось бы нести, если бы я послушался Вашего приказа. *III. Нэнъ.*

Военный департаментъ сообщилъ ему о тѣхъ мѣрахъ, которыя должны быть приняты противъ него, но на это сообщеніе Нэнъ отвѣтилъ новымъ утвержденіемъ своего рѣшенія въ слѣдующемъ письмѣ:

«Милостивый Государь,

«Я получилъ Ваше письмо отъ 31 го-августа. Рѣшеніе мое, которое я сообщилъ г-ну начальнику артиллеріи, есть неизбѣжное послѣдствіе всей моей дѣятельности и моихъ убѣжденій. Я знаю, что за мной пошлютъ полицейскихъ и что меня накажутъ потому что пока насъ, протестующихъ противъ войска, меньшинство, большинство дастъ намъ только два выхода: или поступить въ войско, или быть наказаннымъ. Я выбралъ второй, потому что онъ удовлетворяетъ и моей совѣсти, и моему разуму, тогда какъ первый — возмущаетъ и то, и другое. *III. Нэнъ.*»

11-го сентября онъ былъ арестованъ и отправленъ въ городъ Фрибургъ, гдѣ находится главный штабъ и военный судъ, и вотъ 23-го сентября судъ этотъ совершился.

Судъ этотъ былъ очень интересенъ тѣмъ, что онъ показалъ всю невозможность, нелѣпость суда надъ такимъ человѣкомъ.

Послѣ обычныхъ формальностей, военный прокуроръ задалъ вопросъ подсудимому:

— Признаете ли вы право законной защиты?

Подсудимый отвѣчалъ отрицательно. Даже если бы вся страна была занята непріателемъ, онъ бы отказался идти на войну.

Что касается опасности, которая можетъ угрожать его семьѣ, то онъ ее дѣйствительно признаетъ, но думаетъ, что эта опасность придетъ не отъ вражескихъ полчищъ, а отъ мѣстныхъ эксплуататоровъ — капиталистовъ.

Затѣмъ прокуроръ, опредѣливъ его преступленіе какъ уклоненіе отъ воинской повинности, перешелъ къ обсужденію мотивовъ преступленія. Онъ утверждалъ, что напрасно обвиняемый сравниваетъ швейцарское войско съ войсками великихъ державъ. Цѣль швейцарскаго войска не нападать, а лишь защищать отечество. Поступокъ Нэна — дѣтскій. Слѣдуя его идеямъ интернаціонализма, можно придти къ уничтоженію всего современнаго цивилизованнаго общественнаго строя. Нэнъ уклоняется отъ обязанности, которую его соотечественники несутъ съ удовольствіемъ. Его поступокъ есть актъ анархическій, это пропаганда дѣломъ. По зрѣломъ обсужденіи, онъ полагаетъ необходимымъ, по статьямъ 97, 70, 62 и 4-й, подвергнуть подсудимаго 3-хъ мѣсячному тюремному заключенію, разжалованію и уплатѣ судебныхъ издержекъ.

Слабость обвиненія поразительна. Но еще поразительнѣе и поучительнѣе слабость защиты. Защитникъ заявилъ, что такъ какъ обвиняемый самъ изложилъ мотивы своего преступленія и такъ какъ онъ вполне сознательный и убѣжденный человѣкъ, то онъ не находитъ нужнымъ его защищать, а ограничится только краткими свѣдѣніями о томъ, кто такой Нэнъ, чтобы судьи знали съ кѣмъ они имѣютъ дѣло.

Онъ считаетъ его человѣкомъ неспособнымъ къ низкому поступку.

Родившись въ 1874 году въ скромной семьѣ, онъ былъ отданъ въ ученіе къ механику. Затѣмъ онъ поступаетъ на фабрику, гдѣ знакомится съ общественнымъ устройствомъ, которое, по его мнѣнію, уже болѣе не соответствуетъ условіямъ времени. Затѣмъ онъ продолжаетъ ученіе, поступаетъ въ Невшательскую академію и становится въ 1899 году кандидатомъ правъ. Онъ путешествуетъ въ Германію, Римъ, Парижъ, посѣщая рабочіе кружки, возвращается въ Швейцарію, сдаетъ экзаменъ и дѣлается адвокатомъ. Онъ работаетъ много, но получаетъ мало и долженъ закрыть свое бюро, чтобы поступить въ частную контору и заработать себѣ средства къ существованію его самого, жены и ребенка. Въ заключеніе защитникъ прочелъ нѣсколько писемъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что Нэнъ ретивый работникъ и умный, убѣжденный человѣкъ.

Послѣ перерыва засѣданія, слово было дано подсудимому. Нэнъ говорилъ, что онъ, конечно, не будетъ оправдываться и умалять значенія своего поступка; онъ можетъ и хочетъ только высказать передъ судомъ его разумныя основанія.

«Пытка исчезла, говорилъ Нэнъ, рабство отмѣнено, наука стремится найти способы продолженія человѣческой жизни, зачѣмъ же должна существовать война? Правда, она гуманизирована. Негодующая Европа протестуетъ противъ избійній армянъ, жестокостей въ Трансвааль и Македонскихъ звѣрствъ. Но какая

непроходимая бездна лежитъ между этими проявленіями гуманности и тѣми чувствами, которыя возбуждаются ношеніемъ военного мундира, который есть ничто иное, какъ призывъ къ мести, грабежу, убійству и огню. Это результатъ заблужденія, грубаго эгоизма. Какъ объяснить то обстоятельство, что миллионы людей соглашаются пойти на взаимную рѣзню изъ за того, чтобы этимъ самымъ увеличить страшные военные бюджеты, увеличить составъ армій, усовершенствовать оружіе?

«Есть ли какая-нибудь прямая выгода народу отъ войны? Каковы ея результаты? Французскіе миллиарды покрыли ли расходы по франко-прусской войнѣ? Не были ли они источникомъ звѣрской ненависти и началомъ новыхъ огромныхъ расходовъ въ виду возможности реванша? Народы подобны двумъ путникамъ, хотящимъ встрѣтиться во мракѣ ночи. Но мракъ невѣжества, который ихъ окружаетъ, начинаетъ разсѣиваться. Придетъ день, и мракъ разсѣется вовсе; но не съ оружіемъ въ рукахъ можно призывать народы къ всемірному братству!

«Лучше умереть, утверждая истину, чѣмъ защищая заблужденіе.»

Упомянувъ о значеніи капитала, Нэнъ, въ заключеніе, затрагиваетъ вопросъ объ отечествѣ. Для него оно не существуетъ. Это химера, пустое слово, которымъ пользуются политическіе дѣятели для возбужденія массъ и для оправданія легальнаго убійства. «Отечество» это ужасный молюхъ, кровожадный идолъ, но уже отжившій, которому время пасть!

Пренія кончились, судъ удалился для совѣщанія.

Вынесенный приговоръ былъ такой:

Нэнъ приговоренъ къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы, разжалованію, лишенью на годъ политическихъ правъ, къ 25 франкамъ штрафа и къ покрытію судебныхъ издержекъ... Приговоръ минимальный, очевидно боязнь вліянія мученичества сдерживаетъ мстѣ преслѣдователей.

Интересно прослѣдить вліяніе этого поступка на прессу. Буржуазныя газеты, разумеется, обругали Нэна анархистомъ. Анархическія газеты выразили сочувствіе, а социалистическія, къ стыду своему, выразили порицаніе.

Одинъ изъ видныхъ социалистическихъ органовъ въ нѣмецкой Швейцаріи, газета «Грютліанеръ», выразилась такъ:

«Поведеніе Нэна, конечно, подлежитъ осужденію. Подобные эпособы, возбуждая анархію, ничего не рѣшаютъ. Напротивъ, они вредны нашимъ справедливымъ протестамъ противъ милитаризма. Товарищъ Нэнъ долженъ былъ отбыть свою службу. Своимъ способомъ дѣйствія и изложеніемъ его мотивовъ, онъ ничего не доказалъ противъ милитаризма: напротивъ, онъ пошелъ на перекоръ интересамъ антимилитаризма и причинилъ вредъ себѣ. Намъ кажется наивнымъ поведеніе товарища Нэна во всемъ этомъ дѣлѣ.»

Социалисты говорятъ: мы противъ милитаризма, но теперь, пока, мы будемъ служить. А когда мы станемъ сильны во всѣхъ странахъ, мы уничтожимъ всѣ арміи сразу. (См. статью социалистическаго журнала Grutli въ Лозаннѣ.)

На это можно отвѣтить извѣстной малороссійской пословицей: «пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ.» Что же дѣлать человѣку, когда совѣсть и разумъ внушаютъ ему отвращеніе къ этому позорному дѣлу, къ безпрекословному подчиненію себя первымъ попавшимся людямъ для обученія убійству людей? Неужели ждать ему наступленія социалистическаго строя, а пока ломать свою совѣсть, затемнять разумъ, терять свое самое дорогое сокровище, нужное не только ему одному, но и всѣмъ людямъ? Да не отдалится ли этимъ самое наступленіе новой благой эры, если люди, въ ожиданіи ея, будутъ заглушать въ себѣ самыя сильныя порывы того нравственнаго чувства, безъ котораго немислимъ никакой прогрессъ?

Мы думаемъ, что да, и искренно радуемся поступку Нэна. Его простота, искренность и отношеніе къ нему современнаго общества показываютъ намъ, что поступки эти проходятъ далеко не безслѣдно. Человѣчество, въ лицѣ этихъ кроткихъ людей, завоевало себѣ новую ступень прогресса. Это становится уже обычнымъ явленіемъ.

А, стало быть, обычнымъ явленіемъ становится и смѣлое осужденіе милитаризма, развѣнчиваніе этого отжившаго идола. И недалеко, думается намъ, то время, когда эта брошенная закладка сдѣлаетъ поворотъ въ общественномъ мнѣніи, а разъ онъ совершится, неизбѣжно исчезнетъ и этотъ ужасный богъ войны, которому до сихъ поръ приносятся такъ много человѣческихъ жертвъ.

Ограниченное самодержавіе.

Самодержавный государь, нѣсколько разъ заявлявшій о томъ, что онъ будетъ твердо блюсти завѣты самодержавія, конечно вполне увѣренъ въ томъ, что онъ исполняетъ свое обѣщаніе и дѣйствительно самодержавно править Россіей. Многие изъ подданныхъ этого государя наоборотъ думаютъ, что императоръ Николай II самодержавенъ только по имени, а на самомъ дѣлѣ всѣ дѣла вершатся кучкой корыстныхъ честолюбцевъ министровъ, въ рукахъ которыхъ государь является безвольной игрушкой, такъ какъ самъ онъ ничего о своей странѣ не знаетъ и всѣ свѣдѣнія получаетъ отъ этихъ же министровъ.

Мнѣніе государя о томъ, что онъ самодержавный хозяинъ государства, конечно ошибочно, но ошибаются и тѣ, которые считают его совершенно безвольнымъ орудіемъ въ рукахъ министровъ и другихъ приближенныхъ. Истина находится между этими двумя предположеніями.

Будь императоръ только слѣпымъ орудіемъ, съ него снималась бы всякая отвѣтственность за все то зло, которое творится въ государствѣ. Будь онъ дѣйствительно самодержавенъ, онъ былъ бы и отвѣтственъ за все.

На самомъ же дѣлѣ, хотя онъ и самодержавенъ, но самодержавіе его ограниченное, и ограниченіе это направлено въ самую дурную сторону.

Еще въ эпоху Николая I Пушкинъ, котораго кто-то упрекнулъ въ лести, обращенной къ императору, отвѣчалъ на это обвиненіе.

«Я льстецъ? Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ:
Онъ горе на царя накличетъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничить».

И въ настоящее время мы видимъ, что пропитанный лестью придворный кругъ дѣйствительно ограничиваетъ только добрыя начинанія и попытки царя и допускаетъ проявленіе самодержавія только въ дурномъ.

Рѣшилъ самодержецъ сослать бунтующихъ студентовъ въ Сибирь, — ихъ сослали. Рѣшилъ, чтобы они вернулись въ свои семьи, и многие изъ нихъ по усмотрѣнію администраціи не были возвращены. Рѣшилъ отобрать въ казну армянскія церковныя имущества, и ихъ отбираютъ, не останавливаясь передъ насиліемъ и убійствами. А когда во время голода онъ пожертвовалъ 50,000 руб. въ пользу голодающихъ, подавая этимъ примѣръ благотворительности, то начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати М. П. Соловьевымъ былъ сдѣланъ выговоръ редактору одной газеты за сочувственную статью по этому поводу и данъ совѣтъ не призывать публику къ пожертвованіямъ, потому что «мало ли какія глупости дѣлаются наверху». Очевидно проявленію самодержавной воли противопоставлялась воля бюрократіи, воля сплоченнаго высшаго чиновничества, еще болѣе самодержавная.

Но вотъ особенно характерный примѣръ ограниченія русскаго самодержавія.

Въ прошломъ году нѣкто Афанасій Агеевъ, крестьянинъ тульской губерніи, деревни Казначеевки, служившій артельщикомъ на одномъ изъ московскихъ вокзаловъ, былъ обвиненъ въ богохульствѣ. Агеевъ человекъ неглупый, самостоятельно мыслящій. Въ разговорѣ со своими товарищами, онъ непочтительно отзывался о православныхъ святыняхъ, на него донесли. На его несчастье онъ былъ знакомъ съ Л. Н. Толстымъ и, хотя мировоззрѣніе Агеева сложилось вполне независимо отъ вліянія Л. Н. Толстого, его сочли «толстовцемъ».

Министръ юстиціи Муравьевъ уже давно обѣщалъ мстить Толстому, направляя удары на близкихъ ему людей. И Агеевъ послужилъ жертвой этой мести. Поступокъ Агеева вовсе не является чѣмъ-то исключительнымъ, вырвавшееся у него рѣзкое слово зачастую произносится крестьянами, не имѣющими рѣшительно ничего общаго съ какими-либо сектами. Обыкновенно на такіе слова не обращаютъ никакого вниманія. Если же и возникаютъ по такому поводу судебныя дѣла, то очень часто оканчиваются оправданіемъ, или, въ худшемъ случаѣ, обвиняемые платятся нѣсколькими мѣсяцами тюрьмы. Но Агеевъ былъ знакомъ съ Л. Н. Толстымъ, и этого было достаточно, чтобы на несчастнаго человека обрушились со всей строгостью законовъ.

Просидѣвъ подъ слѣдствіемъ въ тюрьмѣ больше года, Агеевъ былъ приговоренъ къ ссылке въ Сибирь на всю жизнь. Семья, въ которой онъ былъ единственнымъ работникомъ, состоявшая

изъ дряхлаго старика отца, больной жены съ дѣтьми и слабоумной сестры, оставлялась на произволъ судьбы.

За Агеева сталъ хлопотать Л. Н. Толстой. Было составлено прошеніе на высочайшее имя. Прошеніе это было передано Агееву для подписи и потомъ поступило къ прокурору для препровожденія въ комиссію прошеній. На случай возможности гибели этого прошенія въ какомъ-нибудь изъ омутовъ русскіихъ канцелярій, было подано царю прошеніе отъ имени жены Агеева, въ которомъ объяснялось, что мужъ ея тоже подастъ прошеніе о томъ же, и прилагалась копія съ прошенія самого Агеева. Царю было подано это прошеніе и прочитано письмо Л. Н. Толстого къ лицу, передававшему прошеніе. Прошло нѣсколько дней, и вотъ на паехѣ министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве, какъ намъ достоверно извѣстно, заявилъ одному лицу, интересовавшемуся судьбой Агеева, что государь согласился на его помилованіи.

По наведеннымъ справкамъ оказалось, что дѣйствительно государь рѣшилъ помиловать Агеева. Но проходили недѣли и мѣсяцы, а Агеевъ продолжалъ сидѣть въ тюрьмѣ, со дня на день ожиданія освобожденія. И вдругъ 29-го августа онъ, безъ возможности даже проститься съ семьей, былъ отправленъ въ Сибирь.

Лицо справлявшееся о времени отправки Агеева, получило характерный отвѣтъ: «Вы знаете, что дѣло ваше не удалось, потому что министръ Муравьевъ отклонилъ его».

И такимъ образомъ доброе побужденіе самодержавнаго государя было ограничено его министромъ. Несчастная семья подверглась разоренію, а честный, работающій человекъ, за рѣзкое вырвавшееся слово, — слово, которое можно услышать отъ любого крестьянина въ любой деревнѣ, — отправленъ въ вѣчную ссылку.

Правда государь можетъ оправдываться тѣмъ, что онъ довѣряетъ своему министру и потому исполняетъ его совѣты; министръ, не вѣрующій ни въ какую вѣру, найдетъ оправданіе своимъ поступкамъ въ необходимости поддерживать господствующее вѣроисповѣданіе, тюремщики тоже не признаютъ себя виновными, потому что исполняли приказанія начальства; и такимъ образомъ окажется, что никто не виноватъ, а между тѣмъ цѣлая семья разорена, изстрадавшая и физически, и нравственно и продолжаетъ влачить самое жалкое существованіе.

Гоненія на сектантовъ.*)

На *Кавказѣ* находится много ссыльныхъ сектантовъ, но особенно ими переполненъ г. Елисаветполь. Здѣсь находятся: баптисты, штундисты, іеговисты, хлысты, молокане и другіе. До послѣдняго времени они жили здѣсь болѣе или менѣе спокойно, хотя скученность ихъ въ одномъ мѣстѣ очень затрудняетъ имъ всемъ найти сносный заработокъ. Но вотъ, вскорѣ послѣ манифеста 26-го февраля, вопреки тому, что въ немъ говорится объ «укрѣпленіи завѣтовъ вѣротерпимости», на этихъ сектантовъ обрушилось новое гоненіе. У нихъ были найдены какія-то запрещенныя брошюры, и нѣкоторыхъ изъ нихъ посадили въ тюрьму, а другихъ разослали по уѣзднымъ трущобамъ, гдѣ имъ еще труднѣе будетъ снискать пропитаніе, для себя и своихъ семей. Одинъ изъ нихъ, іеговистъ Бучельниковъ, пошелъ къ губернатору спросить его о причинѣ своей высылки.

— Г. губернаторъ, говорилъ Бучельниковъ, помилуйте ради Бога, а то я пропаду; другой разъ разоряютъ меня. Я былъ въ силахъ, пахалъ, сѣялъ и кормилъ поповъ и пановъ и семейство и еще водку пилъ и трубку курилъ и распутничалъ; но по ученію Христа я бросилъ злую и пустую жизнь, и сталъ себя и семью исправлять, то попы и паны посадили меня въ тюрьму, предали суду и выслали за Кавказъ, и я отъ многихъ страданій лишился силы, а имущество мое разорили штрафами. И я за Кавказомъ уже 18 лѣтъ живу и не дѣлаю никакого зла и не знаю, за что меня высыпаютъ въ Герюсы.

Но губернаторъ не объяснилъ Бучельникову причины его высылки, а сказалъ, что ему предписано выслать его, и 14-го іюня Бучельниковъ и еще другой іеговистъ Львовъ и штундистъ Иванъ Кондратьевъ были высланы въ захолустныя села. Намъ пишутъ, что эта участь ожидаетъ и другихъ сектантовъ, которые уже получили повѣстки съ предписаніемъ явиться къ становаму приставу.

*) Свѣдѣнія, заимствованныя нами изъ русской легальной печати, обозначены звѣздочкой.

Разсказывая о своей высылкѣ, іеговистъ Львовъ пишетъ намъ: «намъ дали проходныя свидѣтельства, чтобы мы шли сами, но если не пойдемъ, то будемъ высланы по этапу. Конечно, если бы мы одни шли этапомъ, но трудно съ семействами. Здѣсь самая варварская страна, поэтому волей-неволей придется ѣхать на свой счетъ и убить послѣднюю копѣйку. Но что дѣлать? Если Богъ нашъ живъ, то и мы будемъ сыты, но, конечно, питаться по-птичьи. Пехода пока никакого нѣтъ, а потому приходится скрѣпить сердце подъ крестомъ и ожидать особаго промысла Божія. Всякому человѣку свое призваніе, и всякій для своего дѣла. О, судьба человѣческая! Какая она разнообразная! Какъ распределены люди, мирные и враждотворные, какъ шахматы, или какъ карты. Враждотворство и фанатизмъ свирѣпствуютъ, какъ левъ пожиралъ беззащитную овцу. Я не сузу о тѣхъ, кои стремятся добиться свободы путемъ крови. Нѣтъ, это не доброе дѣло — мстить зломъ за зло. Нѣтъ, мое мнѣніе — побѣждать всякое зло добромъ, то есть лучше оставаться обиженнымъ, нежели обидѣть. Конечно, многіе обидчики наши не знаютъ, что дѣлаютъ, они обмануты варварами и дармоѣдами попами. Если бы притѣснители наши знали, что они обмануты, и узнали бы наше сердце, то непременно бы протянули къ намъ свои руки и сердечно пожали наши, хотя не за вѣру нашу, но за человѣколюбіе наше. Когда бы поняли, что мы терпимъ за правду, желая все преодолѣть терпѣніемъ, не вмѣшиваясь ни въ какія шумныя дѣла. Мы живемъ, какъ убитые, но насъ находятъ. Значитъ, фанатики никому не даютъ покоя и рады мучить людей. Въ прежнее время за вѣру убивали и сажали, а у насъ въ гуманное, просвѣщенное время морятъ съ голоду за правду. Выходитъ, русскіе фанатики любятъ пить кровь. Если мы негодны Россіи, то пусть дадутъ намъ свободный выходъ за границу. Такъ нѣтъ — не хотятъ пустить изъ рукъ живого, лучше поглумиться надъ беззащитными сектантами и полюбобаваться своей властью. Очень сладка имъ кровь наша. О, это долго ждать! Это мучительно! Мы навѣрно оклеветаны кѣмъ-либо. Тутъ есть одинъ шпионъ, помощникъ миссіонера, М. Харитоновъ. Онъ былъ молоканинъ, но съ него взыщеть Богъ за кровь нашу.»

Положеніе сектантовъ села *Павловокъ*, сумскаго уѣзда, уцѣлѣвшихъ отъ разгрома, также ухудшилось. Намъ пишутъ отъ 8-го сентября, что къ нимъ приставлены два жандарма и становой приставъ, которые очень строго смотрятъ за ними: запрещаютъ имъ отлучки, не позволяютъ ходить другъ къ другу даже по дѣлу, не допускаютъ къ нимъ посѣтителей и писемъ. Если же кто уѣдетъ куда-нибудь, то сейчасъ же караулятъ его домъ, пока онъ пріѣдетъ. По пріѣздѣ домой, его арестуютъ и отправляютъ къ исправнику, а нѣкоторыхъ даже къ губернатору и штрафуютъ. Если жандармъ застаетъ кого-нибудь у сосѣда, то сейчасъ же пишетъ протоколъ и передаетъ суду, а судъ наказываетъ штрафомъ или арестомъ. Если пріѣдетъ посѣтитель, то его арестуютъ и гонятъ этапнымъ порядкомъ на родину. И не только полиція, но и православные преслѣдуютъ этихъ сектантовъ: ночью бьютъ окошки и воруютъ нужное для плотекой жизни. Вслѣдствіе этого, многіе сектанты присоединились къ православной церкви, а остальныхъ послѣ этого начальство стало еще болѣе притѣснять.

Объ *одесскихъ* сектантахъ намъ пишутъ отъ 12-го іюля слѣдующее: «полиція передала суду братьевъ и сестеръ. Это точно, какъ было въ 1883 году: когда появился манифестъ, то появилось и сильное гоненіе и преслѣдованіе, а до манифеста, когда я проповѣдывалъ, то сами пристава, околожочные и офицеры приходили и слушали, а послѣ манифеста стали насъ арестовывать и предавать суду и заперли комнату, гдѣ было собраніе. Точно также и теперь дѣлается: до манифеста братья собирались свободно, а какъ появился манифестъ, появилось и гоненіе.»

Въ іюнѣ въ г. *Емсаветирадъ* 14 мѣстныхъ сектантовъ приговорены городскимъ судьей Писаревымъ къ штрафу за молитвенное собраніе, но вскорѣ тѣ же самые сектанты обвинялись полиціей въ томъ же самомъ, въ камерѣ городского судьи 3-го участка города Лосева. Защитникомъ обвиняемыхъ выступилъ пріеязный повѣренный Г. Я. Бернштейнъ, который въ своей рѣчи ссылаясь на манифестъ 26-го февраля и приводя рѣшенія правительствующаго сената по дѣлу Головки и другихъ, все производство по которому было уничтожено, какъ неправильно начатое. Г. Я. Бернштейнъ, съ разрѣшенія судьи, цитировалъ также отрывки изъ известной книги: «Судъ и раскольники-сектанты» А. М. Бобріщева-Пушкина, въ которыхъ говорится, что

преслѣдованіе людей за религіозныя убѣжденія — явленіе ненормальное, отъ котораго должны отказаться и правительственные и духовныя власти. Судья Лосевъ всѣхъ обвиняемыхъ оправдалъ.

* Нѣкоторые крестьянскія общества состоятъ изъ православныхъ и сектантовъ. Тамъ, гдѣ послѣднихъ меньшинство, общество, — путемъ составленія приговоровъ отъ имени сельскаго схода — привлекаетъ сектантовъ къ расходамъ по сооруженію, ремонту и содержанію православныхъ храмовъ, а также облагаетъ сборомъ и на содержаніе духовенства. Между тѣмъ по закону очень подробно выраженному въ рѣшеніяхъ правительствующаго сената отъ 18-го марта и 17-го декабря 1886 года, «приговоры крестьянскихъ обществъ, поставляемые по означеннымъ предметамъ, не должны считаться обязательными для проживающихъ въ сихъ обществахъ иновѣрцевъ, въ томъ числѣ и раскольниковъ, записанныхъ въ установленныя метрическія книги». Не смотря на то, что приведенный законъ существуетъ много лѣтъ, крестьянскія общества продолжаютъ до настоящаго времени облагать сектантовъ всякаго рода сборами, наравнѣ съ православными, какъ на сооруженіе церквей, такъ и содержаніе ихъ православнаго духовенства. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ на примѣръ, въ с. Грязнухѣ, балашовскаго уѣзда и въ с. Пескахъ, новохоперскаго уѣзда, *воронежской* губерніи, сектанты на законномъ основаніи запротестовали противъ отдачи своей земли и денегъ на нужды православной церкви, и начальство сочло ихъ протестъ законнымъ и утвердило его.

* Русскія газеты за августъ мѣсяцъ сообщаютъ, что въ *Симферополѣ* въ послѣднее время въ камерѣ городского судьи 1-го участка разсматривалось нѣсколько дѣлъ по обвиненію штундистовъ въ устройствѣ молитвенныхъ собраній. Часть этихъ дѣлъ разсматривалась при открытыхъ дверяхъ, а часть при закрытыхъ. Всѣ штундисты — квартиро-держатели приговорены къ денежнымъ штрафамъ отъ 25-ти до 50-ти рублей.

* «Крымскій Курьеръ» и другія газеты сообщаютъ, что 16-го августа, въ камерѣ городского судьи г. *Ялты*, разбирались одно за другимъ два уголовныхъ дѣла, по обвиненію полиціей разныхъ лицъ по 38 ст. уст. о наказ. и по 29 ст. того же устава, за нарушеніе п. 3-го обязательныхъ постановленій таврическаго губернатора, гдѣ сказано: «сходки въ домахъ и другихъ мѣстахъ, безъ увѣдомленія полиціи о времени, мѣстѣ и цѣли таковыхъ, воспрещаются». На судѣ выяснилось, что всѣ обвиняемые принадлежатъ къ сектѣ евангелистовъ и собирались для молитвы, чтенія Евангелія и пѣнія псалмовъ. Городской судья 1-го участка города Ялты, Н. Т. Булисъ приговорилъ всѣхъ обвиняемыхъ къ штрафу въ десять рублей cadaго, а при несостоятельности — къ аресту на два дня cadaго.

* Къ числу гоненій надо отнести также появившееся недавно циркулярное распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ по вопросу о вѣроисповѣдныхъ замѣткахъ въ паспортахъ выдаваемыхъ русскимъ сектантамъ, именующимъ себя *баптистами*. Баптизмъ, какъ особое вѣроученіе, признанъ закономъ сектой евангелическо-лютеранской церкви, и русскихъ баптистовъ, съ точки зрѣнія закона, не можетъ быть. Вслѣдствіе этого лицамъ русскаго происхожденія выдающимъ себя за баптистовъ, должны быть выдаваемы паспорта съ помѣткой «штундистъ»; а это значитъ, что преслѣдуются они будутъ правительствомъ, какъ будто они исповѣдуютъ ученіе, официально признаваемое особенно вреднымъ въ государственномъ отношеніи.*)

И. Треубовъ.

Почему я оставилъ православную вѣру?

Изъ записокъ крестьянина Еремья Чебана**).

Я родился въ 1858 году. Мой отецъ былъ изъ молдаванъ, а мать малороссіянка, а вѣры были православной. Отецъ мой жилъ въ г. Бендерахъ и занимался чумачествомъ.

*) Помѣщая извѣстія о гоненіяхъ на сектантовъ, мы считаемъ необходимымъ напомнить нашимъ читателямъ, что описываемые нами случаи составили ничтожную часть всѣхъ гоненій, на самомъ дѣлѣ происходящихъ въ Россіи. Мы печатаемъ лишь то, что доходитъ до насъ, а доходитъ сравнительно очень немного. Поэтому если изъ содержанія какого либо выпуска нашего журнала читателямъ покажется, что гоненій становится меньше, — лишь то, что за истекшій промежутокъ времени до насъ о гонимыхъ дошло слишкомъ мало свѣдѣній. Извѣстія о самыхъ жестокихъ случаяхъ гоненій доходятъ до насъ часто только спустя долгое время. Ред.

**) См. «Почтовый ящикъ» этого номера. Ред.

Отъ юности моея все мнѣ показывало очень дурную жизнь въ его поступкахъ, потому что его слава была въ томъ, чтобы напиться пьянымъ и разогнать семейство. Потомъ я дошелъ до совершеннотѣя и сталъ раздѣлять добро отъ зла и обращался къ старымъ людямъ за наставленіемъ, но ничего добраго отъ нихъ не слыхалъ. Изъ этого мнѣ очевидно стало, что эти старые люди еще не знаютъ, что это за добро, потому что давали наставленія такого рода, чтобы на день праздника приготовить побольше водки и вина и зазывать всѣхъ родственниковъ и угощать ихъ, «и ты будешь тогда въ славѣ». Но я исполнять нѣсколько времени и увидѣлъ изъ этого полную пустоту, потому что изъ этого происходила драка и крайнее разореніе.

Тогда я обратился къ священнику за наставленіемъ, въ чемъ состоитъ наше спасеніе, но священникъ говоритъ, что надо ходить въ церковь и прилежно подавать на акафистъ пресвятой богородицы, также на службу Божію, и я исполнять нѣсколько лѣтъ.

Но я вижу большой недостатокъ: самъ благочинный творить зло, пьянствуетъ и занимается блудствомъ, у сосѣда своего завладѣлъ женой и радъ, что этотъ человѣкъ чрезвычайно простой. И я сталъ разсуждать, что онъ беретъ на себя такую важную обязанность умолять Бога за людей, но по его поступкамъ я сталъ разсуждать объ этомъ такъ, что надо остановить расходовать на разные акафисты, и на службы, и на молебны, потому что оказывалось расходу около рубля каждое воскресенье и приходилось соболѣзновать за народъ, потому что чрезвычайно грабятъ народъ. Если помретъ старый человѣкъ, то цѣна имъ поставлена съ самаго бѣднаго человѣка шесть или семь рублей, а за ребенка три рубля. У котораго полна хата дѣтей, и отъ этого накопились долги, и нѣкоторымъ я давалъ и съ нѣкоторыхъ и залоги брать, потому что человѣкъ не въ состояніи выплатить, и много пропало.

Тогда я жаждать увидѣть, гдѣ правда. Думалъ я, навѣрно во свѣтомъ Кіевѣ вся святость исполняется. Я отправился въ Кіевъ пятьсотъ верстъ пѣшкомъ и когда я дошелъ до Кіевского монастыря, то я, дабы не оставить всѣхъ святыхъ мѣстъ, пошелъ къ первому монастырю, который находится въ лѣсу и именуется Тимофаневскимъ. Не доходя до монастыря сажень двѣсти, я остановился умыться и переменить одежды, и въ это время пробѣжала женщина въ красивомъ платьѣ и побѣжала въ густой лѣсъ. И вотъ спустя минутъ пять за нею бѣжитъ одинъ изъ монаховъ. И я сталъ задумываться, зачѣмъ столько верстъ я шелъ пѣшкомъ, и здѣсь тоже творятъ такіа заблужденія. Но я не оставилъ своего намѣренія и съ беспокойнымъ сердцемъ обходилъ всѣ монастыри.

И по приходѣ моемъ изъ Кіева я сталъ заниматься грамотой отъ квартировавшаго у меня солдата скорымъ успѣхомъ, и купилъ себѣ Евангеліе, и сталъ читать съ разсмотрѣніемъ. Тогда я сталъ соображать, насколько ихъ наставленія противъ проповѣди евангельской. Христосъ говоритъ: «Придите и научитесь отъ меня и найдете покой душамъ вашимъ», но наставленіе священниковъ, какъ выше сказано, чтобы побольше подавать на службы и акафисты. Тогда я нашелъ нужнымъ слушать Христово наставленіе, потому что Христово наставленіе бесплатно. Это было въ 1888 году.

Еще на это былъ одинъ случай. Одинъ изъ моихъ сосѣдей поспорилъ съ женою своею, жена его побѣжала жаловаться къ благочинному Александру, но онъ настолько сжалился надъ нею, что въ тотъ же часъ принять ее въ служанки и не пустить ее домой. Но съ нею была дѣвочка лѣтъ шести, которая доказывала всѣ постыдныя дѣла. Тогда этотъ бѣдный человѣкъ дней шесть искалъ свою жену и когда нашелъ ее, то сталъ просить, чтобы онъ отпустилъ ее, но священникъ вытолкать его въ шею. Тогда этотъ человѣкъ вторично просилъ жену, но просьба его была безъ вниманія. За третьимъ разомъ онъ взять съ собою двухъ человѣкъ и пошли къ священнику просить его, но онъ и тогда выгнать его. Тогда этотъ человѣкъ, видя себя осмѣяннымъ, взялъ полѣно и побилъ всѣ окошки. Тогда немедленно отпустилъ жену, и стали смѣяться и старый, и малый, а фамилія господина благочиннаго Самохваловъ, а свидѣтелей одного — Василій Мантумъ, а другой Григорій, фамилію не знаю, забыть.

Тогда мнѣ стало очень видно, что это полная пустота, и оставался молиться дома. Но стали надо мной надзирать; священникъ видитъ, что я не являюсь въ церковь недѣли двѣ или три — тогда, по распоряженію благочиннаго, прислать священника Севастьяна Дурукова и дьячка, и приносить съ собою какую-то книгу Преданія и нѣсколько листовъ газетъ. И сталъ спрашивать:

«Почему ты не ходишь въ церковь?» Но я отвѣчалъ ему: «Почему вамъ такъ видно стало, что меня не было двѣ или три недѣли въ церкви?» и сталъ указывать на тѣхъ людей, которые по цѣлому году не бываютъ въ церкви, но священникъ говоритъ, что за тѣхъ людей мы мало думаемъ, но за таковыхъ, что ходятъ часто, потому что такіе скоро переходятъ въ штундисты. И сталъ читать газету, въ какомъ городѣ сколько перешло въ штундисты, исполняютъ по Евангелію, бросили пьянствовать и курить, и живутъ трезво. Изъ чтенія газеты мнѣ видно стало, что эти люди живутъ, какъ слѣдуетъ. И сказалъ я: «такъ слѣдуетъ намъ всѣмъ поступать.» Но священникъ со гнѣвомъ: «да, я долженъ закачать рукава и идти пахать? Учился двѣнадцать лѣтъ, чтобы мнѣ прожить спокойно; вотъ Козыревъ, который въ воинскомъ присутствіи, учился четыре года, и получаетъ двѣ тысячи и четыреста рублей.» Но я сказалъ, что по моему вы бѣдны не будете. Это было въ 1889 году, передъ Пасхою за недѣлю, и тѣмъ кончился нашъ разговоръ, и пошелъ со гнѣвомъ.

Но на Пасху, какъ извѣстный порядокъ, что долженъ быть каждый пьяный, то священникъ подговорилъ нѣсколько пьяницъ: «На третій день Пасхи вечеромъ приходите къ Еремѣю, къ этому сектанту, потому что я изъ его словъ замѣтилъ, что Еремѣй не православный.» И пришелъ священникъ самъ и принесъ газеты, съ нимъ былъ дьякъ съ книгою «Житіе святыхъ угодниковъ», и сталъ читать. И я этого ничего не зналъ. Люди стали сходить по два и по три человѣка, и наполнилась полна хата людей, и я заперъ двери и ворота, и шла спорная бесѣда до одиннадцатаго часа ночи. Вдругъ набѣжала толпа народа, не смотря, что заперто, но самоправно перелѣзли черезъ заборъ и окружили домъ, такъ что убѣжать нельзя, и потребовали батюшку, чтобы благословить начинать битву. И всѣ не съ пустыми руками, у кого палка, а у иного камня. Я сталъ говорить священнику, чтобы онъ уговорилъ, но онъ и самъ испугался. А я вижу, что дѣло не шуточно, и сталъ кричать. Къ счастью моему фельдфебель шестой роты Житомирскаго полка назначилъ патрули, чтобы прекращать бунтъ, потому что онъ слыхалъ ихъ стоворъ. И тѣмъ я остался невредимъ, и эта пьяная толпа разбѣжалась, и послѣ этого волненія священникъ пошелъ.

Послѣ этого передавали въ проповѣди по церквамъ, чтобы не разговаривать никто со мною, но сами продолжаютъ свои наслѣдія и грабежъ. Но послѣ этого я остался спокойнымъ не болѣе одного года. Въ это время приходилъ ко мнѣ старикъ Кіевской губерніи, который былъ знакомъ со священнымъ писаніемъ, и указалъ мнѣ всѣ мѣста изъ священнаго писанія, тогда я совсѣмъ и бросилъ думать о церкви и оставался спокойно въ домѣ, изрѣдка ходилъ въ молоканское собраніе.

Но на это былъ еще одинъ случай. На второй улицѣ отъ меня жилъ человѣкъ при хорошемъ достаткѣ и получилъ смерть нечаяннымъ образомъ. Противъ него былъ штейный домъ, и онъ зашелъ съ товарищемъ выпить вина, но вышелъ изъ себя и былъ схваченъ и удушенъ, и скрыта была плоть его. Имя его Александръ Федоренко. Дѣло это было въ 1889 году на русской масляной. Жена и дѣти соболѣзнуютъ, о немъ былъ розыскъ на всѣ стороны и продолжался розыскъ одинъ мѣсяць, и не было никакого слуха объ немъ, и посчитали его пропавшимъ.

Но жена его обратилась къ священнику за совѣтомъ, но священникъ очень радъ былъ, что его доля не пропала, и далъ совѣтъ такого рода наставленіе, чтобы купить бѣлаго полотна и пошить мѣшокъ и наполнить его землею, сдѣлать гробъ и приготовить обѣдъ, какъ дѣлается порядокъ надъ покойникомъ, «и призовите священника и отпразднуемъ погребеніе, какъ дѣлается надъ покойникомъ, потому что онъ земля и въ землю пойдетъ, и похоронимъ во дворѣ, а не на кладбищѣ, а за этотъ трудъ будетъ стоить сорокъ рублей». И по наставленію благочиннаго немедленно было исполнено, и получилъ очень свободно свою добычу. И тѣ люди, которые присутствовали при этомъ погребеніи, немедленно сообщили мнѣ всѣ подробности. Потомъ черезъ семь недѣль этотъ человѣкъ найденъ въ рѣчкѣ съ веревкою на шеѣ, и священникъ вторично взять пять рублей. И я просилъ его по запискѣ, чтобы онъ покался отъ такого заблужденія, потому что побеспокоимъ редакцію, потому что этакія проделки должны быть явлены міру.

Но только я сталъ укорять, то въ скорое время явился приставъ и урядникъ и арестовали меня и въ одну ночь четыре раза вызывали на допросъ и спрашивали меня: «что ты

говорить против императора? Но я сознаю свою вину, что я говорил против священника. И потомъ меня отравили къ слѣдователю, но слѣдователь не нашелъ это дѣло важнымъ, чтобы заключить въ тюрьму, и велѣлъ отпустить на свободу подъ надзоръ полиціи.

Тогда народъ видитъ, что я защищаю ихъ сторону противъ такого грабежа. Если у кого случится покойникъ, то бѣгутъ ко мнѣ за помощью. Тогда я не сталъ давать денегъ, но давалъ наставленіе такого рода: «вы не торгуйтесь за покойника, но объявите ему, что у васъ такой случай, и онъ долженъ идти, а если не пойдетъ, то подадимъ телеграмму архіерею, чтобы онъ назначилъ цѣну». И тогда священники догадались и брали, кто сколько дастъ.

Но терпѣнье это было для нихъ не легкое, и сталъ являться часто приставъ и урядники и требовать въ полицію, такъ что некогда было работать, и въ самое такое время, чтобы я могъ потерять и потерпѣть большіе убытки.

Весною, во время подъема винограда, все осталось необработаннымъ, потому что меня арестовали и выслали меня административнымъ порядкомъ на одинъ годъ въ Херсонскую губернію, и потерпѣлъ большіе убытки.

А затѣмъ моя жизнь была очень тяжкая, такъ что приходилось просить, чтобы приняли въ тюрьму, но не принимали меня; если бы не еврей, то хоть на улицѣ ночевать приходилось. Тогда я просилъ переводъ въ Каменецъ-Подольскую губернію, Балтовскаго уѣзда, мѣстечко Окну, и сталъ у одного саножника, русскаго человѣка, и этотъ человѣкъ былъ очень распутной жизни, и жена его изъ публичнаго дома, и пьянствовали, и курили, и я поработалъ съ ними одну недѣлю, и эти люди за одну недѣлю бросили пьянствовать и курить и стали заниматься грамотой, и сосѣди стали доносить священнику, и назначили надзоръ построже. Я вижу, что дѣло плохо, и попросилъ переводъ въ нѣмецкую колонію. По выходѣ моемъ изъ мѣстечка, черезъ два дня священникъ, и приставъ, и урядникъ, и нѣсколько человѣкъ городскихъ въ часъ ночи обступили домъ и трусили, и обыскивали даже на горницѣ (чердакѣ) въ порожнихъ кадункахъ искали меня и перепугали этого человѣка.

Кое-какъ прожилъ я мѣсяцевъ шесть до половины моего срока, и позвалъ меня по повѣсткѣ судебный слѣдователь Ананьевскаго уѣзда и арестовалъ меня, и просидѣлъ я тамъ четыре мѣсяца и получилъ обвинительный актъ, и потребовали меня въ свой уѣздъ въ Бендеры на судъ, и отложенъ былъ, въ уѣздѣ судили и перевели въ Кишиневъ, и судили подъ закрытыми дверями, и содержали очень строго, такъ что и до свиданья не пустили никого. И также со мною на одной скамейкѣ осудили одного изъ братьевъ за картину Авраама, порванную нечаяннымъ образомъ, на 8 мѣсяцевъ, въ тюрьму.

Судъ мой состоялся въ мартѣ 1892 года. Судебныхъ издержекъ по моему дѣлу взыскано 36 рублей, и все мое имущество пропало. Лишили меня всѣхъ правъ и состоянія и назначили въ ссылку за Кавказъ. Обрили голову и надѣли кандалы и въ маѣ мѣсяцѣ отправили за Кавказъ. И болѣе мѣсяца бѣхалъ до мѣста, и часто и теперь мнѣ на умъ приходитъ, за что я былъ въ кандалахъ и не только на ногахъ, но и на рукахъ? И какъ животное заковали въ желѣзо, и, во время пересадки изъ вагона въ другіе вагоны, нельзя усѣбно слазить или вылезать, то часто получалъ прикладомъ по чѣмъ попало. А кто бьетъ? Русскій солдатъ наказуетъ русскаго человѣка.

Значитъ, между людьми есть большой клеветникъ, который доводитъ до того, чтобы мы были врагами другъ другу. Вотъ теперь время благоприятное отыскивать врага, дѣлающаго вредъ, и молить Бога, чтобы, избавиться отъ зла — въ смиренной жизни увидѣть добро.

Голосъ изъ народа.

Голосъ народа раздается очень рѣдко. Большею частью вмѣсто народа говорятъ разные господа, старающіеся увѣрить всѣхъ, что они говорятъ именно то, что сказали бы народъ, если бы умѣли говорить. Эти господа, тайкомъ зажимающие народу ротъ, обладаютъ очень громкимъ голосомъ и во всеулышанье кричатъ, что русскій народъ необыкновенно привязанъ къ православной вѣрѣ, къ самодержавію, что онъ ужасно любитъ французовъ и терпѣть не можетъ нѣмцевъ и англичанъ и т. д. и т. п.

Такіе крики раздаются очень часто и во всеулышанье, и понятно, что они заглушаютъ всякую робкую попытку человѣка

изъ народа сказать свое слово. Да и какъ его сказать, когда ротъ такъ основательно зажатъ, что не только говорить, но и дышать трудно.

Къ счастью, кромѣ русскаго государства существуютъ и другія болѣе свободныя страны, гдѣ хоть изрѣдка можетъ звучать неподдѣльный голосъ русскаго народа, высказывая свои истинныя думы и желанія.

Не такъ давно мы получили письмо одного русскаго крестьянина, который высказываетъ свои взгляды по поводу извѣстнаго манифеста отъ 26-го февраля.

Въ своемъ письмѣ этотъ русскій крестьянинъ не высказываетъ ни умиленія, ни радости, ни благодарности къ императору Николаю II за его манифестъ, ни какой бы то ни было любви или уваженія къ его особѣ. Напротивъ, письмо полно ѣдкой насмѣшки и въ немъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ высказывается чувство обиды и гнѣва, накопленное долгими годами притѣсненія.

Мы далеко не сторонники рѣзкихъ словъ, которыми клеймятъ русское правительство во многихъ заграничныхъ изданіяхъ. Живя въ безопасномъ отдаленіи отъ русскаго правительства, можно конечно ругать его какъ угодно. Но намъ кажется, что это слишкомъ дешевое обличеніе, которое можетъ удовлетворять только очень невзыскательныхъ читателей и безъ того враждебно настроенныхъ къ правительству.

Но мы все-таки приводимъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ доставленнаго намъ письма русскаго крестьянина для того, чтобы дать понять нашимъ читателямъ, какія рѣчи могутъ раздаваться изъ крестьянскихъ устъ, когда эти уста не зажаты рукой полицейскаго. Неправильно въ этихъ выдержкахъ только орфографію и нѣкоторые слишкомъ неправильные обороты рѣчи.

«Понятіе современнаго русскаго мужика о манифестѣ, обнародованномъ 26-го февраля 1903 года.

Манифестъ.

«Съ помощью штыка и нагайки, я, Николай II, вампиръ и гнетъ русскій, польскій и финляндскій и проч., и проч., и проч. объявляю всѣмъ сочувствующимъ моему произволу.

«Я обѣщалъ себѣ не слышать гласа Бога и совѣсти своей и крѣпко поддерживать издавна начатое угнетеніе народа. Отца моего Богъ предупредилъ смертю въ осуществленіи его плана угнетенія, и теперь предстоить мнѣ довести до конца начатое отцемъ моимъ порабощеніе, изгнать правду изъ среды нашего народа. Къ сожалѣнію моему, есть люди здравомыслящіе и пренятствующіе намъ довести дѣло до окончательнаго порабощенія народа. Люди эти всевозможно стараются внушить правду народу, которая до сихъ поръ отъ него скрывалась нами, и многимъ молодымъ успѣли внушить, чтобы не принимали участія въ нашемъ порабощеніи людей. А эти молодые люди намъ нужны, такъ что безъ нихъ — солдатъ мы не достигнемъ своей цѣли. Прошу всѣхъ моихъ опричниковъ не отступать отъ начатаго общаго дѣла и зорко слѣдить за людьми, противодѣйствующими нашему произволу. Прошу помогать мнѣ изгнать нравственность изъ семьи, школы и общественной жизни. При содѣйствіи нашего грубаго произвола, поощряемаго самодержавной властью, только и можно достигнуть полнаго порабощенія. Идолъ, окруженный брильянтами въ Исакиевскомъ вертепѣ, одобряетъ нашъ трудъ. И да сплотимся мы, вѣрные сыны своего опричничества, съ ружьемъ и нагайкой въ рукахъ, и будемъ оберегать начатое наше дѣло и свое существованіе, опираясь на всеоправдывающую православную вѣру, законъ и власть.»

Можетъ быть, найдутся люди, которымъ покажется эта мужицкая пародія на манифестъ слишкомъ грубой, состоящей изъ однихъ ругательствъ. Что же дѣлать? Пародія дѣйствительно нѣсколько груба и можетъ оскорбить тонкій вкусъ читателей, но если авторъ выражается слишкомъ рѣзко и недостаточно изящно, за то онъ далеко не лишенъ способности точнаго опредѣленія и своихъ притѣснителей, и своихъ нуждъ.

«Чего еще тягостнѣе для русскаго мужика, пишетъ онъ, какъ пошъ. Отъ чрева матери и до чрева земли я долженъ платить ему дань, и онъ подъ личиною святости, нахально обираетъ живьемъ, хлѣбомъ, деньгами, невзирая, что прихожане его мрутъ съ голоду, а даже усовѣститъ тебя, почему мало уплатилъ ему за то, что онъ напустилъ полную избу дыма и побрызгалъ изъ мѣднаго таза водой въ уголь вѣшничкомъ, изъ волосъ лошадиного хвоста.

«Долго ли народъ будетъ обманывать самъ себя, и когда перестанетъ просить у Бога силы тѣмъ людямъ, которые его истя-

ауютъ? Почему и не помолиться за царя, еслибы онъ обнаружилъ хотя бы такой манифестъ:

«Я Николай II, объявляю всѣмъ моимъ братьямъ: отнынь я слагаю съ себя самодержавіе и передаю страну на права конституціи. Уничтожаю всякую земельную собственность, которую считалъ общественной, распредѣлить ее поровну на каждого фодка и каждому фодку предоставить право требовать причитающееся на его долю количество земли. Сложить и погасить всякія недоимки. Налоги прямые и косвенные замѣнить земельной рентой въ доступной цѣнѣ. Отмѣняю всеобщую воинскую повинность. Отмѣняю тѣлесное наказаніе. Замѣнить старую паспортную систему пріобрѣтеніемъ однажды посмертнаго паспорта. Сокращаю до 1 власть полиціи. Полная свобода слова. Свобода печати.

«Если царь напѣть отецъ, какъ намъ его именуютъ попы, то почему нѣтъ у него въ манифестѣ того, чего желаетъ и ждетъ русскій мужикъ?»

Какъ видимъ, еще разъ оправдывается русская пословица: «мужикъ сѣръ, да умъ у него не чертъ сѣбѣ».

Народъ молчитъ. Народу усиленно зажимаютъ ротъ и отъ его имени на всѣ лады кричатъ самозванцы. Но здравый разумъ въ немъ еще не заглохъ, и этотъ разумъ пробивается сквозь ту кору невѣжества, грубости и суевѣрій, которыми его опутали, пробивается, какъ вѣшняя вода отъ теплыхъ, солнечныхъ лучей.

Дисциплинарный батальонъ.

Русскій народъ, какъ извѣстно, находясь подъ надзоромъ своего правительства, искусственно держится въ состояніи умственного и нравственного невѣжества. Посредствомъ государственнаго и религіознаго обмана его стараются сдѣлать вполне послушнымъ орудіемъ правящихъ классовъ; настолько послушнымъ, чтобы онъ не только оставался въ своемъ состояніи невѣжества, но даже считалъ своими злѣйшими врагами всѣхъ тѣхъ, которые хотятъ открыть ему глаза и вывести его изъ этого состоянія.

Не довольствуясь умственнымъ и нравственнымъ порабощеніемъ народа, правительство считаетъ необходимымъ имѣть въ рукахъ еще физическое орудіе для того, чтобы порабощеніе это было болѣе надежнымъ. Такимъ орудіемъ является войско. Но такъ какъ солдаты берутся изъ того же народа, который хотятъ держать въ подчиненіи и порабощеніи и, слѣдовательно, находятся въ такой же степени невѣжества, какъ и остальной народъ, то очевидно, что для того, чтобы сдѣлать ихъ послушнымъ орудіемъ порабощенія, такого же народа, какъ и они, необходимо подвергнуть ихъ вліянію усиленнаго обмана. Обыкновенный религіозно-государственный обманъ для нихъ уже недостаточенъ; ихъ нужно забить и одурманить гораздо больше, чѣмъ забиваютъ и одурманиваютъ обыкновенно простой народъ. Нужно подавить въ нихъ всѣ человѣческія чувства до такой степени, чтобы они могли безпрекословно по приказанію начальника убивать своихъ братьевъ, рабочихъ, крестьянъ, всѣхъ, кого правительство найдетъ нужнымъ истреблять. Орудіемъ такого обмана и является войско со своимъ военнымъ воспитаніемъ солдата.

Но какъ ни хитро придумана система одурманиванія солдатъ, и въ ней не все обстоитъ гладко. Иногда солдаты перестаютъ быть слѣплыми орудіями и проявляютъ свою волю. Иной разъ въ хорошую сторону, въ смыслъ неисполненія безсмысленныхъ требованій начальства и соблюденія своего человѣческаго достоинства, иной разъ и въ дурную, въ смыслъ совершенія какихъ либо преступленій: воровства, насилія, грабительства и т. п.

За такое проявленіе своей воли, дурной или хорошей безразлично, и нарушеніе дисциплины, солдатъ стараются наказывать и якобы исправлять, т. е. соединивъ наказаніе съ еще болѣе усиленнымъ одурманиваніемъ, превратить его въ совершеннѣйшую машину, способную точно и безпрекословно исполнять рѣшительно всѣ требованія начальства, ни въ чемъ не проявляя ни своей воли, ни своего человѣческаго достоинства.

Для такого наказанія и исправленія своевольныхъ солдатъ существуютъ особыя учрежденія, такъ называемые дисциплинарные батальоны, относительно которыхъ само правительство признаетъ, что они существуютъ для исправленія не порочнаго челоѣка, а солдата, не подчиняющагося условіямъ военной службы, и что ихъ цѣль, — поставивъ провинившагося въ болѣе суровыя условія военной службы, — приучить его къ требованіямъ дисциплины и обязанностямъ строевой службы.

Но слова «поставить въ болѣе суровыя условія военной служ-

бы», «приучить къ требованіямъ дисциплины» и т. п. не даютъ на самомъ дѣлѣ никакого понятія о томъ, что такое представляютъ собою дисциплинарные батальоны и какіе ужасы тамъ творятся. Только очевидцы могутъ разсказать о тѣхъ звѣрствахъ, до какихъ доходятъ въ этихъ учрежденіяхъ представители военнаго сословія.

Въ нашемъ распоряженіи имѣются записки рядового Изюмченко, описывающаго порядки воронежскаго дисциплинарнаго батальона, того самаго, въ которомъ былъ замученъ Е. Н. Дрожжінъ.

Изюмченко попалъ въ дисциплинарный батальонъ за побѣгъ съ военной службы, совершенный вѣдѣствіе развившагося въ немъ сознанія, которое показало ему несовмѣстимость христіанства съ военной службой. Но въ батальонѣ, подъ вліяніемъ того же Дрожжина, который опасался, что Изюмченко забьютъ до смерти, Изюмченко исполнялъ обязанности солдата.

Записки Изюмченко написаны, какъ большинство крестьянскихъ сочиненій подобнаго рода, не всегда въ согласіи съ существующей орфографіей, съ попадающимися своеобразными оборотами рѣчи, но за то онѣ отличаются рѣдкой искренностью, сжатостью и, что въ особенности бросается въ глаза, обнаруживаютъ въ ихъ авторѣ признаки несомнѣннаго художественнаго дарованія. При всей сжатости ихъ, авторъ вдругъ обращаетъ вниманіе читателя на какую-нибудь мелочь, которую обыкновенный разсказчикъ пропустилъ бы безъ вниманія. Между тѣмъ эта мелочь, эта незначительная подробность является весьма характерной для описываемаго предмета и сообщаетъ разсказу ту характерную красочность, безъ которой художественное произведеніе стало бы сухимъ и блѣднымъ. Записки Изюмченко читаются съ захватывающимъ интересомъ, и у читателя является невольное сожалѣніе, что тяжелыя условія жизни автора и отечественное образованіе не дали ему возможности развить свои несомнѣныя способности.

Одно изъ первыхъ впечатлѣній, которое получилъ авторъ записокъ, было зрѣлище звѣрскаго истязанія. Вотъ какъ описываетъ его Изюмченко.

«Я сталъ наблюдать въ окно за происходившимъ ученіемъ на дворѣ. Недалеко отъ моего окна ротный командиръ скомандовалъ: «рота стой! къ ногѣ!» Рота исполнила отчетливо команду — остановилась. Ротный сказалъ что-то фельдфебелю, который сейчасъ же послалъ куда-то двухъ солдатиковъ; черезъ 2 — 3 минуты солдатикіи вернулись съ двумя пучками розогъ, положили ихъ на землю въ указанномъ ротнымъ мѣстѣ, взяли ружья и съ фельдфебелемъ куда-то ушли, минутъ черезъ пять вернулись и привели съ собой третьяго солдатика безъ ружья, въ накидку шинель и блѣднаго, какъ полотно. Ротный что-то сказалъ блѣдному солдату и указалъ пальцемъ на землю между двумя пучками розогъ. Блѣдный солдатикъ снялъ съ себя шинель, постлалъ на землю, спустилъ до колѣнъ штаны, поднялъ выше мундиръ и рубашку и легъ на разостланную шинель. Ротный скомандовалъ: «рота, ряды вдвой! полуоборотъ направо!» и вызвалъ по фамилии четырехъ челоѣкъ солдатъ, которые поставили ружья въ козлы и подошли къ лежавшей жертвѣ: одинъ изъ нихъ сѣлъ лежавшему на плечи, другой на ноги, а остальные два стали съ обѣихъ сторонъ и взяли въ руки по розгѣ; ротный, стоя вблизи, что-то сказалъ палачамъ, и одинъ изъ нихъ размахнулъ розгой вправо и влево по воздуху и опустилъ съ напряженіемъ руки на обнаженное тѣло лежавшаго, который во все горло закричалъ: «ой, Боже мой!» После перваго удара второй, а ударовъ черезъ десять, изъ бѣлаго тѣла лежавшаго я увидѣлъ красную говядину, приготовляемую поваромъ для котлетъ. Тренещъ всѣмъ тѣломъ, я отошелъ отъ окна, сказавъ товарищу: «посмотри». Тотъ взглянулъ и сразу отшатнулся отъ окна, произнеся: «нехристи!»

Можетъ кто-нибудь подумать, что такому наказанію подвергаютъ людей за какія-нибудь особенно тяжкія преступленія. Нѣтъ, ихъ можетъ легко получить каждый, кто не сумѣетъ понравиться начальству.

Унтеръ-офицеръ будитъ солдатъ и для быстроты вставанія подбадриваетъ сонныхъ людей ударами ремня. Одинъ изъ кончающихъ свой срокъ огрызнулся, напомнивъ, что унтеръ-офицеръ не имѣетъ право драться. Этого было достаточно, чтобы унтеръ-офицеръ пожаловался ротному командиру на непочтительность солдата и въ результатъ...

— «Розги, тридцать ударовъ.» Сказавъ отрывисто ротный командиръ.

Фельдфебель сказал: «слушаю» и вышел из канцелярии. Через некоторое время он вернулся и доложил, что все готово. Рота была построена в два шеренги. Около двух пучков розог, то красных, то бледных стояли непочтительный солдат Трофимов.

Ротный вышел, посмотрел на Трофимова изподлобья и как-то звирски прорычал: «ложись!»

— Да за что же ваше высокоблагородие, сказал трепещущим голосом Трофимов.

— Ложись, еще грубее сказал ротный, — чтобы не думать мерзавец, — добавил он как бы про себя.

Трофимов раздвинулся и лег, а палачи по известным уже правилам принялись исполнять свое дело.

Сперва Трофимов кричал: «ой Боже мой, да за что же», а под конец только ревел и стонал.

Ему дали тридцать ударов, после которых повели его на сутки в карцер (сутки в карцер после порки считаются обязательными, хотя бы выпоротый был без чувств), а мы, пишет Изюмченко, съели за Закон Божий, которым занимался фельдфебель до прихода священника.»

Если обыкновенная казарма является разсадником всевозможных пороков, то дисциплинарный батальон можно назвать высшим училищем разврата. Офицеры обкрадывают солдат, солдаты обкрадывают друг друга. Поварь, уличенный в систематической краже мяса, засылается так, что через месяц отправляется на кладбище, но заступающий на его место продолжает воровать так же, как и его предшественник. Для того, чтобы достать табак или водки, нищие солдаты зарабатывают так, как зарабатывают проститутки, удовлетворяя скотские похоти своих более богатых товарищей. Обворовывающий солдат ротный командир, требует, чтобы солдат пополнял недостаток в амуниции своими средствами, хотя бы при помощи той же торговли своим телом. Для украшения иконы ханжа ротный уменьшает порции хлеба солдатам. Словом всюду грабеж, обман и развращение.

Можно ли удивляться, если человеческая натура не выдерживает издевательств и истязаний и обезумевший от гнева и ужаса солдат жестоко мстит своим притеснителям.

Изюмченко упоминает и о таких случаях.

Один солдат, доведенный до отчаяния притеснениями своего унтер-офицера, схватил лом и хотел убить притеснителя, но его удержали. Получив за это сто ударов и отсидев в карцер, солдат при первом же удобном случае всадил нож в живот унтер-офицера, так что вывалились внутренности и содержимое желудка. Отбывав немного и взглянув блестящими глазами на убитого и на испуганных товарищей, солдат как то странно улыбнулся и вонзил нож в себя в живот. Потом, с силой вытащив его из живота, всадил еще раз немного выше первой раны и затѣм повалился на пол в предсмертных судорогах. Другой солдат, получив в разное время до 700 ударов, кончил тем, что во время строевого занятия заколол штыком унтер-офицера и, подойдя к растерявшемуся ротному командиру, сказал: «кровь готова, пожалуйста откусать, пока не остыла.» Обезумевшего солдата присудили к каторжным работам, но, получив несколько сот ударов, он умер в пересыльной тюрьме.

Правдивые записки Изюмченко, несмотря на спокойный тон изложения, являются вопиющим обвинительным актом против правительства, допускающего существование подобных ужасов.*)

Цель дисциплинарного батальона — исправить порочного солдата. Из кратких выдержек, приведенных нами из записок Изюмченко уже достаточно видно, что даже с правительственной точки зрения дисциплинарные батальоны не могут исправить солдата, и, тем не менее, правительство продолжает содержать эти школы разврата.

На первый взгляд это может показаться непонятным, но если вдуматься в причины этого странного явления, то станет ясно, что для правительства, которое основано на насилии, из признания того, что один человек имеет право насилием заставлять другого человека исполнять свои требования, что для такого правительства, в своем стремлении осуществлять свое право насилия, вполне естественно, в конце концов, дойти до всех ужасов дисциплинарного батальона. Ведь труден только

*) Записки Изюмченко могут быть изданы полностью, если только найдутся средства для их издания.

первый шаг. А раз сделано несколько шагов, то дальнейшие делаются сами собой. Тяжело признать в своем брате врага, но раз это сделано, то поиски оружия против этого врага уже легки, за поисками оружия естественно следуют поиски союзников, помощников, которые потом обращаются в солдат, и далее идут способы удержания этих солдат при себе, а тут уже один только шаг до всех ужасов военной службы с дисциплинарными батальонами включительно.

Дисциплинарные батальоны — это родное дитя всякого правительства, основанного на насилии, и потому они существуют и в деспотической России, и в республиканской Франции.

Письмо от Канадских духоборовъ.

Городъ Йорктонъ, октября 15-го 1903 г.

Многоуважаемые и дорогие друзья Анна Константиновна и Владимиръ Григорьевичъ!

Простите насъ, что такъ долго не сообщали Вамъ о своей жизни. Съ приѣздомъ Петра Васильевича у насъ жизнь во многомъ измѣнилась, и много въ этой жизни открылось новаго дела, которое требуетъ серьезнаго вниманія. Можетъ потому отчасти мы и съ Вами не поддерживали аккуратной переписки.

Сейчасъ на этотъ годъ мы состоимъ выборными ото всей Духоборіи завѣдывать делами, которыя коснутся со стороны постороннихъ лицъ включительно даже до правительственныхъ учреждений. Получая таковыя отношенія и свѣдѣнія, если дела серьезны, мы должны сообщать обществу, — и, по рѣшенію и предложенію общества, должны отвѣчать на вопросы. Мало-важныя дела мы уполномочены рѣшать сами. Всѣхъ выборныхъ людей на этотъ годъ четверо, которые приняты официально правительствомъ въ Канадѣ, получивъ наименованіе «Комитетъ духоборческой общины». Четыре человека: Павелъ Планидинъ, Николай Зиборовъ, Петръ Веригинъ и Семенъ Рыбинъ. Семенъ Рыбинъ вошелъ въ составъ комитета, какъ переводчикъ по англійскому языку. Онъ еще совсемъ молодой человекъ и выучился здѣсь читать, писать и говорить по англійски. Недавно у насъ былъ разговоръ о Васѣ вообще, и мы все, какъ комитетъ, рѣшили послать Вамъ на типографскія нужды пятьсотъ (500) долларовъ. По порученію Петра Васильевича мы сейчасъ это и исполняемъ.

Съ глубокимъ уваженіемъ къ Вамъ остаемся братья во Христѣ:

Павелъ Планидинъ и Николай Зиборовъ.

Мысли Л. Н. Толстого.

(Изъ неизданныхъ источниковъ.)

1.

О сознаніи духовнаго начала.

I. Жизнь есть сознаніе неизмѣннаго духовнаго начала, проявляющагося въ предѣлахъ, ограничивающихъ это начало отъ всего остального.

II. Предѣлы этого ограниченного отъ всего остального начала представляются человеку движущимся теломъ своимъ и другихъ существъ.

III. Отдѣльность, несливаемость, непроницаемость одного существа другимъ можетъ представляться только теломъ (матеріей), движущимся независимо отъ движеній другихъ существъ.

IV. И потому, какъ телесность и пространство, такъ и движеніе и время суть только условія возможности представленія отдѣленности нашего духовнаго существа отъ всего остального, т. е. отъ неограниченнаго, не телеснаго, не пространственнаго и не движущагося, не временнаго духовнаго существа.

V. И потому, жизнь наша представляется намъ жизнью пространственнаго тела, движущагося во времени.

VI. Намъ представляется, что наше тѣло, составляя одну часть безконечнаго въ пространствѣ тѣлеснаго міра, пронсходя отъ родителей, предковъ, жившихъ прежде насъ въ безконечномъ времени, получаетъ начало въ утробѣ матери, рождается, растетъ, развивается, потомъ слабѣетъ, сохнетъ и умираетъ, т. е. теряетъ свою прежнюю тѣлесность, переходя въ другую, перестаетъ двигаться и — умираетъ.

VII. Въ дѣйствительности же истинную жизнь нашу составляетъ только сознание того духовнаго существа, которое отдѣлено отъ всего остального и заключено въ предѣлы тѣла и движенія.

VIII. Духовное существо это всегда равно само себѣ и не подлежитъ измѣненіямъ; намъ же кажется, что оно растетъ и расширяется во времени, т. е. движется. Двигутся же только предѣлы, въ которыхъ оно находится; намъ это кажется такъ же, какъ кажется, что движется мѣсяцъ, когда тучи бѣгутъ черезъ него.

IX. Жизнь есть жизнь только тогда, когда проявляется сознание — когда изъ за предѣловъ выступаетъ сознание. И оно всегда есть. Тѣ промежутки отсутствія сознания, которые намъ кажутся, намъ кажутся только тогда, когда мы смотримъ на движеніе предѣловъ сознания въ другихъ существахъ. Когда же мы смотримъ изъ себя, мы знаемъ, что сознание одно и не измѣняется, не начинается и не кончается.

X. Жизнь представляется сначала человѣку материально-пространственной и движущейся, временной. Человѣкъ признаетъ сначала своей жизнью тѣ предѣлы, представляющіеся ему движущейся матеріей, которые отдѣляютъ его отъ всего, и полагаетъ, что его жизнь материально пространственна и самодвижно-временна, и въ движеніи этой матеріи во времени видитъ свою жизнь. Въ прекращеніи же движенія этой матеріи, видитъ прекращеніе своей жизни.

XI. Въ этой увѣренности человѣка поддерживаетъ наблюденіе надъ другими людьми, постоянно представляющимися ему материальными въ пространствѣ и движущимися во времени. Наблюденіе непрерывности движенія матеріи въ другихъ существахъ заставляетъ человѣка думать, что и его жизнь непрерывно движется во времени, хотя внутренно онъ не только не испытываетъ этой непрерывности движенія, но испытываетъ одно неподвижное, всегда равное себѣ сознание, которое только для внѣшняго наблюденія раздѣляется промежутками сна, сумасшествія, страстей, — въ дѣйствительности же всегда одно.

XII. Такъ что люди приписываютъ два различныхъ значенія слову «жизнь». Одно значеніе есть понятіе движущейся, отдѣленной отъ всего остального матеріи, признаваемой человѣкомъ собою, и второе — неподвижное, всегда равное себѣ духовное существо, которое человѣкъ признаетъ собою.

XIII. Понятія эти кажутся различными, но въ сущности это не два, а только одно понятіе: понятіе сознания себя *духовнымъ существомъ, заключеннымъ въ предѣлы*. Признаніе жизнью простран-

ственного и временнаго существованія отдѣленнаго существа есть только недодуманность. Сознаніе себя отдѣленнымъ отъ всего существомъ возможно только для духовнаго существа. И потому жизнь всегда есть жизнь духовнаго существа. Духовное же существо не можетъ быть ни пространственно, ни временно.

XIV. И потому признаніе всей жизнью материальнаго временнаго существованія человѣка есть ошибка мысли, есть признаніе части за цѣлое, послѣдствія за причину, — есть такая же ошибка мысли, какъ признаніе силою, движущею колесомъ мельницы, падающей струи воды, а не рѣки.

XV. Различіе между признаніемъ жизнью духовнаго неизмѣннаго начала, а не проявленія его въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ оно проявляется, всегда было дѣлаемо всеми религіозными учителями. На этомъ разъясненіи различія двухъ понятій жизни основано ученіе Евангелія объ истинной жизни: жизни духа и ложной жизни: жизни плотской, временной.

XVI. Разъясненіе это очень важно потому, что изъ сознания того, что истинная жизнь заключается только въ духовномъ существѣ, вытекаетъ все то, что называютъ добродѣтелью, и что даетъ наибольшее благо людямъ. Изъ этого сознания вытекаетъ то, что составляетъ основу всѣхъ добродѣтелей: вытекаетъ любовь, — т. е. признаніе собою жизни всѣхъ существъ міра.

XVII. Изъ этого же сознания, которое и есть не что иное, какъ то, что мы называемъ совѣстью, вытекаетъ воздержаніе, безстрашіе, самоотверженіе, потому что только при воздержаніи, безстрашіи, самоотверженіи возможно исполненіе основнаго требованія сознания: признаніе собою другихъ существъ, т. е. любви.

XVIII. Человѣкъ, познавшій свою жизнь, подобенъ (кажется такъ говорилъ Паскаль) человѣку рабу, который вдругъ узнаетъ, что онъ царь.

2.

О власти и рабствѣ.

Сила правительствъ въ томъ, что у нихъ въ рукахъ самопитающійся кругъ власти: ложное ученіе производитъ власть, а власть даетъ возможность распространять одно ложное ученіе, устраняя все противное ему, обличающее его.

* * *

Вѣдь какъ ни подкулены и одурены гвардія и войска, они теперь состоятъ все таки изъ тѣхъ же людей, которыхъ угнетаетъ и заставляетъ дѣлать злое эта самая гвардія. Кромѣ того, гвардіи этой мало. Она составляетъ какую нибудь $\frac{1}{100}$, много, много $\frac{1}{50}$ всего народа; но и она теперь народъ. И потому власть правительствъ держится теперь уже не на силѣ, какъ она держалась прежде, а только на обманѣ.

* * *

Люди съ спокойной, какъ будто, совѣстью поступаютъ не только по требованію власти въ десятскіе, сборщики податей, солдаты, но сами своей охотой идутъ въ полицейскіе, слѣдователи, прокуроры, сол-

даты, генералы, министры, цари, и какъ будто съ спокойнымъ сердцемъ, — по крайней мѣрѣ съ виѣшней полной самоувѣренностью, — занимаются тѣмъ, что отнимаютъ у людей послѣднюю ихъ корову для податей, которыя пойдутъ на роскошь, убійство: или сажаютъ людей въ тюрьмы, мучаютъ, казнятъ ихъ; или придумываютъ и готовятъ средства убійства; и владѣютъ среди бѣдняковъ отнятыми у нихъ имуществами и землей, и еще какъ будто гордятся этимъ.

* * *

Такъ называемые образованные люди, — тѣ, которые должны бы давать примѣръ того отношенія къ насилию, которое свойственно разумному существу, — ученые, либеральные, революціонные даже люди разсуждаютъ, осуждаютъ, проповѣдуютъ свободу, достоинство человѣка. Но все это до тѣхъ поръ, пока не свистнутъ ему, чтобы онъ шелъ подъ хомутъ; и кончаются всѣ разсужденія и весь либерализмъ и толки о свободѣ; и наряжаютъ его въ пеструю ливрею, даютъ въ руки ружье или саблю, и фельдфебель велитъ ему бѣгать и прыгать и стоять и вертѣться и надѣвать шапку и кланяться и кричать ура при видѣ царя и, главное, быть готовымъ, по приказанію этого фельдфебеля, убить отца родного, и онъ, — либераль, ученый, — по закону эволюціи, — и прыгаетъ и кланяется кому велятъ, и кричитъ ура, и готовъ съ ружьемъ убить кого прикажутъ.

Такъ что тѣ самые люди, образованные, которымъ естественнѣе всего было бы стремиться къ приведенію жизни въ согласіе съ сознаніемъ, — люди эти заняты преимущественно тѣмъ, чтобы смутать, искривить это сознаніе.

Имъ очевидно, что совершенно не нужно разсуждать о вопросѣ противленія злу и о томъ, какъ онъ рѣшенъ христіанствомъ. Все это мистицизмъ. Нужно дѣлать вотъ это самое, т. е. быть покорнымъ рабомъ рабовъ.

* * *

Для непробудившагося человѣка государственная власть — это нѣкоторыя священные учрежденія, составляющія органы живого тѣла, необходимое условіе жизни людей. Для пробудившагося человѣка — это люди очень заблудшіе, приписывающіе себѣ какое то фантастическое значеніе, неимѣющее никакого разумнаго оправданія, и, посредствомъ насилия, приводящіе свои желанія въ исполненіе. Сенаты, синоды, суды, администрація, все это, для пробудившагося человѣка, заблудшіе и большею частью подкупленные люди, насилующіе другихъ людей, точно такіе же, какъ тѣ разбойники, которые схватываютъ людей на дорогахъ и насилуютъ ихъ. Древность этого насилия, размѣры насилия, организація его — не можетъ измѣнить сущности дѣла.

Для пробудившагося человѣка нѣтъ того, что называется государствомъ; и потому нѣтъ оправданія всѣмъ совершаемымъ во имя государства насиліямъ; и потому для него невозможно участіе въ нихъ.

Насиліе государственное уничтожится не виѣшними средствами, а только сознаніемъ пробудившихся къ истинѣ людей.

Насильственная революція или христіанское освобожденіе?

Владимира Черткова.

(Продолженіе*).

8.

„Такъ-то, такъ“, говорятъ на это революціонеры, „повиноваться теперешнему правительству разумѣется нѣтъ надобности. Но недостаточно — только не повиноваться. Пока будетъ существовать самодержавная власть, она будетъ уничтожать, какъ мухъ, всѣхъ тѣхъ отдѣльныхъ людей, которые не станутъ ей подчиняться. Мы вѣдь сами, повѣрьте, не меньше вашего, желаемъ того же царства любви и братства, о которомъ вы такъ много проповѣдуете. Но мы — люди дѣла, и потому, вмѣсто того, чтобы только мечтать о такомъ царствѣ, мы хотимъ приготовить для него путь. А для этого необходимо прежде всего опрокинуть существующій государственный строй и замѣнить его новымъ. Звѣрей возможно укротить только силою. Въ настоящее время, сидѣть, какъ вы совѣтуете, сложа руки, и разговаривать о христіанскихъ добродѣтеляхъ — прямо преступно. И посмотрите — большинство передовыхъ людей — на нашей сторонѣ, а не на вашей. Къ тому же, и исповѣдуете то вы ваше христіанское ученіе только на словахъ. А мы — всѣмъ жертвуемъ. Если же, въ концѣ концовъ, правительство и окажется сильнѣе насъ, то пускай лучше мы погибнемъ въ отчаянной борьбѣ съ нимъ. Хуже отъ этого, во всякомъ случаѣ, никому не станетъ.“

Такъ говорятъ революціонеры и такъ они поступаютъ. И на первый взглядъ слова ихъ какъ будто справедливы. Но стоитъ только внимательно вникнуть въ смыслъ ихъ разсужденій для того, чтобы увидать, до какой степени они ошибаются.

Во-первыхъ, нельзя отдѣлять правительство отъ народа. Это вовсе не какія-нибудь двѣ самостоятельныя силы, которыя могутъ вступать въ борьбу между собой. На самомъ дѣлѣ, сила правительства держится народомъ и только на томъ и основана, что народъ поступаетъ на службу къ правительству и исполняетъ его приказанія. Что же въ такомъ случаѣ значить „вооруженное возстаніе противъ правительства“? По-просту сказать, это значить только то, что одна часть народа — безъ мундировъ — начинаетъ драться и рѣзаться съ другой частью того же самого народа — въ мундирахъ. Желать этого могутъ только люди, не понимающіе въ чемъ дѣло, или же старающіеся въ мутной водѣ рыбу ловить.

Во-вторыхъ, изъ того, что людей христіанскаго жизнепониманія — мало, а революціонеровъ — много, еще вовсе не слѣдуетъ, что революціонеры правы. Всякое коренное и вѣрное разрѣшеніе вопросовъ жизни, всякое новое, дѣйствительно передовое движеніе — всегда сначала захватываетъ очень небольшое число людей.

Одна изъ главныхъ причинъ, почему революціонное движеніе такъ легко разрастается, именно въ томъ и заключается, что, по самому существу своему, въ немъ нѣтъ ничего новаго. Это вовсе не „революція“ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Революція значить: „переворотъ.“ А всякій истинный переворотъ въ жизни людей, всегда начинается внутри человѣка, въ его сознаніи, и затѣмъ уже проявляется въ измѣненіи виѣшнихъ общественныхъ порядковъ. А то, что теперь называется, со всѣмъ неправильно, „революціей“, есть только вывороченное наизнанку очень старое заблужденіе о томъ, будто враждой и насиліемъ возможно водворить человѣческое благо. Въ этомъ давнишнемъ и дикомъ суевѣріи правительственные и революціонные насильники совершенно схожи между собой. Вотъ почему теперешніе „революціонеры“ не въ состояніи внести въ жизнь то новое, божеское начало, которое одно только имѣетъ силу совершить въ людяхъ необходимый переворотъ. Но большинство людей все еще держится этого суевѣрія о томъ, будто насиліе пригодно для улучшенія жизни. И потому-то такое множество людей сочувствуетъ революціи.

Есть еще другая причина, почему находится столько людей, готовыхъ присоединиться къ насильственной революціи. Для того, чтобы принимать участіе въ дѣятельности дѣйствительно доброй и полезной, человѣку прежде всего необходимо упорно

*) См. №№ 5 и 6 „Свободнаго Слова“.

работать надъ самимъ собой, побѣждать свои слабости и пороки, развивать и усиливать въ себѣ свои хорошія качества. Для революціонной же дѣятельности такая работа надъ собой не пужна. Нужно, конечно, чтобы революціонеръ былъ преданъ своему дѣлу и готовъ жертвовать собою. Но вообще бороться съ своими недостатками ему нѣтъ надобности. Нѣкоторые же душевные недостатки даже прямо помогаютъ ему въ его дѣятельности. Такъ наприкладъ, самолюбіе, тщеславіе и честолюбіе, зависть и злоба, вражда, ненависть и мстительность, неправдивость, притворство, обманъ и ложь и другія свойства подобнаго же рода бываютъ пригодны для революціонной конспиративно-насильнической дѣятельности. Свойства эти направляются революціонерами на пользу ихъ дѣла точно такъ же, какъ это бываетъ на войнѣ и вообще при всякой насильственной борьбѣ. Я, разумѣется, вовсе не говорю, что всѣ революціонеры отличаются этими недостатками и пороками. Я говорю только, что когда въ революціонерѣ эти недостатки уже имѣются на лицо или начинаютъ развиваться, то ему нѣтъ никакой надобности съ ними бороться, такъ какъ они не только не мѣшаютъ ему въ его дѣлѣ, но скорѣе помогаютъ. Неудивительно, слѣдовательно, что для такой дѣятельности, которая не требуетъ отъ человѣка тяжелой борьбы съ самимъ собой, является больше охотниковъ, чѣмъ для разумной и доброй дѣятельности, всегда требующей отъ человѣка усиленной работы надъ собою.

Человѣкъ христіанскаго жизнепониманія постоянно тянется къ свѣту. Онъ старается, по мѣрѣ силъ, отыскивать и возвращать все то, что есть лучшаго, высшаго, самаго чистаго въ своей душѣ. Онъ радуется малѣйшему успѣху въ своемъ нравственномъ совершенствованіи. Революціонеръ же, напротивъ того, боится своихъ лучшихъ, своихъ высшихъ стремленій. Они ему мѣшаютъ въ его дѣятельности. И потому онъ не только не поощряетъ ихъ, но остерегается ихъ и душитъ въ самомъ зародышѣ всякіе божескіе ростки, пробивающіеся въ его сознаніи. Онъ не радуется своимъ духовнымъ побужденіямъ, а страдаетъ отъ нихъ, такъ какъ они только стѣсняютъ его въ его дѣятельности. Онъ нарочно, и иногда съ величайшимъ трудомъ, задерживаетъ свое духовное развитіе. Онъ предчувствуетъ, что, если только дастъ волю тому, что есть лучшаго въ его душѣ, — если только предоставитъ полную свободу своему духовному росту, — то долженъ будетъ отказаться отъ революціонной дѣятельности. А этого онъ не можетъ, потому что сталъ рабомъ революціи.

9.

Революціонеры говорятъ, — въ третьихъ, — что люди, исповѣдующіе христіанство, рѣдко на дѣлѣ исполняютъ христіанское ученіе; между тѣмъ какъ сами они, революціонеры, поступаютъ согласно своимъ убѣжденіямъ. Но вѣдь это ничего рѣшительно не доказываетъ. И революціонерамъ также сочувствуютъ много такихъ людей, которые боятся имъ дѣлательно помогать. Однако нельзя же ставить это въ вину революціонерамъ. Точно также бываютъ и малодушные или слабосильные христіане. За то бываетъ и такъ, что нѣсколько тысячъ человѣкъ сразу и сообща слѣдуютъ указаніямъ христіанской истины и страдаютъ и умираютъ ради этого, какъ было, наприкладъ, съ духоворами нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Кавказѣ. Кромѣ того, по всему свѣту разсѣяны многія и многія отдѣльныя личности, которыя дѣйствительно осуществляютъ въ свей жизни ученіе Иисуса, на сколько это возможно человѣку. Большинство изъ этихъ людей скромно живутъ каждый въ своемъ углу. Нѣкоторые изъ нихъ находятся въ заточеніи за отказъ совершать поступки, противные ихъ совѣсти. Жизнь ихъ проходитъ безъ шума и блеска, и дѣятельность ихъ мало извѣстна на сторонѣ. Но благотворное вліяніе этихъ людей громадно. Оно отражается на окружающихъ ихъ, а затѣмъ передается отъ тѣхъ къ другимъ, и такъ далѣе безъ конца. Если люди до сихъ поръ всѣ не передумали другъ друга, а хоть медленно, но все же становятся менѣе дикими и жестокими, то это только благодаря этимъ безизвѣстнымъ личностямъ, разсѣяннымъ по всему человѣчеству, которыя не на словахъ, а на дѣлѣ исполняли и исполняютъ христіанское ученіе. Революціонеры же, напротивъ того, не смотря на весь шумъ ихъ дѣятельности, только разводять среди человѣчества вражду и ненависть, насиліе и зло.

Когда указываютъ революціонерамъ на то, что они употребляютъ безнравственныя средства для достиженія своихъ цѣлей, — то они часто ссылаются на самоотверженіе и героизмъ своихъ товарищей, на ихъ готовность переносить какія угодно

страданія и даже жертвовать жизнью за то дѣло, которому они служатъ. Но вѣдь если бы самоотверженіе могло служить доказательствомъ правоты того дѣла, ради котораго люди жертвуютъ собою, то и православная церковь могла бы доказывать свою истинность подвигами древнихъ пустынниковъ и столбниковъ. Буддійскіе изуверы могли бы также ссылаться на добровольныя страданія индійскихъ „самонистязателей“. И военные могли бы оправдывать свое жестокое и бессмысленное ремесло на томъ основаніи, что на войнѣ они жертвуютъ своей жизнью. Люди, къ несчастью, бываютъ способны, по неразумію, совершать геройскіе подвиги, ради достиженія самыхъ ошибочныхъ и даже скверныхъ дѣлей. А примѣръ добровольной жертвы собою, хотя бы ради плохой цѣли, дѣйствуетъ прямо на чувства зрителей. И это часто привлекаетъ ихъ сочувствіе гораздо сильнѣе, чѣмъ самые справедливые доводы, обращенные только къ разумному сознанію.

На этомъ то свойствѣ человѣческой природы и основана главная привлекательность революціоннаго движенія. Люди привлекаются къ революціи, главнымъ образомъ, путемъ не разума, а чувства. Они испытываютъ чувство жалости къ притѣсняемому народу, чувство возмущенія противъ правительственныхъ безобразій, чувство преклоненія передъ героизмомъ пострадавшихъ товарищей. Слово нѣтъ, — все это чувства самыя благородныя и прекрасныя, которыя — въ соединеніи съ разумнымъ сознаніемъ — могли бы вызывать благотворную дѣятельность. Но бѣда въ томъ, что когда эти чувства возбуждены въ сильнѣйшей степени у человѣка съ неокрѣпимъ еще сознаніемъ, то они часто такъ разстраиваютъ его душевное равновѣсіе, что онъ не можетъ соображать здраво и разсудительно. Увлекаемый этими чувствами, человѣкъ опрометью бросается въ отчаянную революціонную борьбу; а затѣмъ, когда вопросъ для него такимъ образомъ уже рѣшенъ, онъ употребляетъ свои умственные способности на то, чтобы оправдать свое поведеніе.

Я бывалъ въ близкомъ общеніи съ лучшими представителями революціоннаго движенія и съ нѣкоторыми изъ нихъ сердечно подружился. Но у всѣхъ у нихъ я постоянно замѣчалъ эту общую черту: чувство совершенно подавляло въ нихъ разсудокъ по отношенію къ общественнымъ вопросамъ. Поговоришь съ такимъ человѣкомъ въ спокойную минуту, съ глазу на глазъ, — онъ способенъ видѣть ошибки революціоннаго движенія и съ трогательной искренностью старается увѣрить и васъ, и себя, что онъ и самъ въ сущности противъ вражды и насилія, — что ему самому противны многіе приемы революціонной дѣятельности. Но стоитъ ему вновь оказаться въ обществѣ своихъ товарищей, стоитъ ему узнать о новомъ правительственномъ злодѣянствѣ, или о новомъ революціонномъ заговорѣ, — и онъ становится совершенно другимъ человѣкомъ. Неудержимая злоба овладѣваетъ имъ. Онъ лишается душевнаго равновѣсія и всякой разсудительности. Онъ опять становится безпомощной щепкой, уносимой неизвѣстно куда на волнахъ революціоннаго потока.

10.

Наконецъ, четвертое и послѣднее изъ приведенныхъ мною соображеній, которыми революціонеры стараются оправдывать свою дѣятельность, состоитъ въ томъ, что отъ нея во всякомъ случаѣ народу хуже не станетъ. Это предположеніе совершенно невѣрно. Даже съ виѣшней, чисто матеріальной стороны отъ революціонной дѣятельности многіе страдаютъ. Страдаютъ всѣ тѣ, которыхъ правительство преслѣдуетъ за участіе въ этой дѣятельности. Страдаютъ и весь народъ вообще, вслѣдствіе того, что правители еще хуже ожесточаются отъ направленной противъ нихъ революціонной борьбы и вымѣщаютъ свое озлобленіе на тѣхъ, чья судьба отъ нихъ зависитъ. Революціонеры возмущаются противъ правительственныхъ жестокостей; но на сколько жестокость эта была усилена и растравлена поступками самихъ революціонеровъ, — объ этомъ они не думаютъ. А между тѣмъ вызываемыя революціонною дѣятельностью страданія народа все увеличиваются; а сулимое революціонерами въ будущемъ народное благополучіе все остается за горами.

Но сущность дѣла не заключается въ однихъ матеріальныхъ страданіяхъ. Между всякимъ предпріятіемъ, которое осуществляется плохими средствами, и такимъ дѣломъ, которое не допускаетъ безнравственныхъ приемовъ, существуетъ еще другая, болѣе важная разница. Такое дѣло, которое осуществляется скверными средствами, — все равно, достигаетъ

ли оно, или нет, своей душой. — Всегда обязательно наносит душевный ущерб участникам войны, особенно их нравственному миру. Всегда, наоборот, нравственное дело, не допускающее никаких средств, — такое все равно, γίνεται ли оно вилками, ушками или нет. — Всегда приносит людям нравственное благо, возвышая и облагораживая их души. Оно из настоящего возмущает их внутреннее удовлетворение, а из будущего дарит им более способные привычки к личному и общественному порядку.

На это часто возражают, что бывают такая степень нужды, при которой и человеку невозможно нравственно совершенствоваться; и единственное спасение для него заключается в куске настоящего хлеба. Это совершенно справедливо, если оставить в стороне тех редких личностей, которые духовно привыкли даже при самой крайней нужде. Равно, что возможно нравственно помочь задержанным вудом людям, действительно необходимо для них возможность стать на ноги. Только тогда, когда они не будут всецело поглощены заботой о своем пропитании, они смогут возмужать, заняться развитием своего сознания. Но необходимо не забывать и того, что если мы пытались на берегу утопить человека и тем самым спасти ему жизнь, то мы тем самым еще не дали ему способных к разумной и сознательной жизни. Так же точно, если люди освободятся от гнетущей нужды, то, хотя им и станет возможным жить на свету, но это еще вовсе не значит, что жить они непременно будут разумно, развивая высшие стороны своей природы. Напротив того, мы часто видим, что, избавившись от нужды, люди становятся кулаками и даже иногда другим притесняют своего прежнего брата — рабочего.

Революционеры же возражают, что вся сущность задачи лежит в улучшении, какими бы то ни было путями, материального положения рабочего народа. Они вовсе не обращают внимания на то, что, употребляя безразличные средства в своих попытках улучшить положение народа, они развращают душу народа. Наступит ли, нет ли, ожидаемое материальное облегчение, — это еще будущая забота слепых. На деле, как мы видели, вместо облегчения, часто получается ухудшение. Но нравственный, душевный ущерб получается навязное. И от этого истинное благополучие народа во всяком случае уменьшается.

Так что, помня, что вред от их деятельности быть не может, революционеры жестоко ошибаются, — жестоко по отношению к тому самому народу, которому они желают помочь. Такова бывает печальная судьба тех людей, которые, хотя бы с самыми лучшими намерениями, начинают пренебрегать положением в человеческую душу непреложным законом добра и правды.

(Продолжение в следующем выпуске.)

Отечество.

(С французского.)

Наши отцы и деды, все наши восторженные предки поставили это страшное труднейшее слово: отечество; а еще чаще думали жертвой этого слова. Потому что это одно из тех слов, которыми люди чаще всего обманывают друг друга. И потому что из-за этого слова произошло больше всего человеческой крови.

Слышали вы одурение? Слышали жертву оно стоило!

Необходимо уничтожить его силу. Необходимо выяснить его истинное значение и сорвать связь с тем, которое пользуется этим словом для своей выгоды.

Наши матери, пропитанные этим ненавистным суеверием, не говоря уже о других, предвзвешивают, балуют нас патристическими пѣснями о военных подвигах, а отцы заботились воинственными рассказами. Мы росли, восторженно слушая рассказы о тех людях, которые жили войной или погибли на поле битвы.

Нас приучали воспринимать героев, которые на своем веку убили очень много людей, своих близких, своих братьев.

Вместо того, чтобы развивать в наших юных сердцах понятия о добре, любви, человечности, нас старались приучать к раздорам, к убийствам, к жестокости, к злосту.

Вместо того чтобы научить нас любви к добру, состраданию к слабости, нас заставляли прославлять войну и почитать силу.

Нашими первыми игрушками были сабли, ружья, каски, знамена. В самом юном возрасте нас приучили любить мушкетера, играть в него и предпочитать игрушечные орудия убийства всем другим забавам. По вечерам, при свете лампы, в ожидании сна возстановителя наших сил, утомленных тоистественными играми, мы проводили целые часы перелистывая наших оловянных солдатиков. Отдыхая от игры в солдатики или после бѣготы за проходившими полками, мы наслаждались, избывая воображаемых нѣмцев из наших мѣдных или деревянных пушек со стѣн картонных крѣпостей.

Подрастая и становясь все шумливее и болѣе любознательными, мы находили в книгах, по которым учились читать, опять таки изображение солдат и сражений. Наши книги для чтения были наполнены рассказами о героических подвигах на полях сражений.

Таким образом, часто совершенно безсознательно, развитие нашего ума давалось ложное направление, которое вылилось в окончательную форму, благодаря школьному преподаванию истории и другим недостаткам учебной системы.

* * *

Нас говорят, что отечество, это страна где мы родились, где мы живем, работаем, где принимаем участие в общественной жизни.

Отечество надо любить.

Но разве мы его не любим, когда желаем счастья тем, кто его населяет, точно так же как мы желаем счастья тем, которые живут по ту сторону наших гор, рек, морей.

Разве мы не любим наше отечество, если любим тех, которые живут в соседних странах, с другим языком, другими нравами, обычаями, климатом?

Наша страна, наша родина, отечество! Мы должны, говорить вам, не только любить ее, но и единственно ей служить.

Что же это такое — отечество?

Что это, заголовок казенной бумаги? Или это кусок материи выпрашенной в бѣлую, синюю и красную краски? Или это правительство, или какое нибудь учреждение для управления, то есть собрание нескольких бесполезных господ, которые корчат серьезную физиономию дѣловых людей, а на самом деле только пользуются чужим трудом. Или, быть может, отечеством называется последовательный ряд царей, императоров и разных генералов? Может быть отечеством называется определенный кусок земли? Такая то реки и горы, такая то равнины или города?

Нѣтъ, ни для нас, ни для нѣмцев, ни для англичан это еще не составляет отечества. Никакое отечество, не может существовать, если нѣтъ людей, соединившихся вместе для того, чтобы производить и потреблять то, что необходимо для жизни. Наше отечество создано общественной жизнью и согласием. И потому настоящая любовь к отечеству должна выражаться в том, чтобы каждый, по мѣрѣ своих сил, служил поддержкой для своих ближних, для общества и заботился бы об улучшении условий существования окружающих его людей.

Только те имѣют право говорить о любви к своему отечеству, которые доказывают эту любовь своим производительным трудом.

Но это не тот патриотизм, о котором идет речь, не об этой любви к отечеству говорят в школах. Нѣтъ, любовь к отечеству не имѣет ничего общего ни с церковью, ни с лозью, и не способствует порабощению людей. Потому что наши правители, наши благонамеренные господа и не признают такого патриотизма. Им нужен другой, нужна другая любовь к отечеству, любовь похожая на церковное учение, угнетающая свободную мысль, как всякое церковное учение. Им нужна любовь слѣпая, преданность рабская, потому что только при ее помощи можно полновластно управлять людьми.

Им надо, чтобы при одном словѣ: «Отечество» — лишенные разума сознания люди подымались и покорно шли, куда их ведут, или бы на все преступления и прославляли своих руководителей.

Им надо, чтобы с помощью этого слова можно было обирать, издѣлывать, порабощать, оскопичивать и отцеивать, и дѣтей, как это дѣлается из года в год в теченіи вѣков.

Всякая низость, жестокость, всякая нечистая дѣла, всякія живыя обѣщанія прикрываются этимъ словомъ, какъ деизмомъ.

И изъ-за этого слова насъ запираютъ на нѣсколько дѣтъ въ казармы, чтобы превратить насъ въ рабовъ, или въ убійцу, или отдать на жертву фельдфебельскому зѣвству.

Ради отечества насъ давятъ налогами, ради отечества и арміи насъ вырываютъ наши деньги, ради отечества мы по двѣнадцати, по четырнадцати часамъ въ сутки не разгибаемъ спины, работая какъ скоты, чтобы только не умереть съ голоду.

Чтобы наши отечественные продукты, наши ситцы, шинели, сахаръ и т. п. своей дешевизной вытѣсняли на международномъ рынкѣ чужіе товары, наши рабочіе должны умирать съ голоду среди непосильныхъ трудовъ.

И пока эта безмысленная вѣра въ отечество будетъ господствовать надъ нашими умами, то есть пока мы не поймемъ въ какую игру играютъ проповѣдники этой вѣры, до тѣхъ поръ мы не перестанемъ быть рабами.

Довольно обмановъ, довольно лжи и глупости! Пора покончить съ этой зловѣщей комедіей!

Людьми, которые говорятъ намъ при всякомъ удобномъ случаѣ: «отечество требуетъ, отечество зоветъ», пора закатить ротъ разъ на всегда двумя словами: вы лжете!

Отечество — это мы сами, мы люди, такіе же, какъ и въ другихъ странахъ. Люди, желающіе блага и себѣ, и своимъ братьямъ. И потому отечество наше это вся земля, все человечество. И это истинное отечество требуетъ отъ насъ, чтобы мы жили въ мирѣ, улучшая свою жизнь, любя и жалѣя другъ друга.

Обмѣнъ мыслей.

Отъ редакціи.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ мы открываемъ новый отдѣлъ нашего журнала для содѣйствія обмѣну мыслей между нашими читателями, раздѣляющими болѣе или менѣе одно и то же свободно-христіанское пониманіе жизни. Для такихъ людей далеко не все вопросы жизни одинаково выяснены. Оставивъ позади себя тѣ вѣнныя правила и предписанія, которыя такъ часто преподаются съ дѣтства безъ объясненія того, почему именно имъ должно слѣдовать, но вмѣстѣ съ тѣмъ признавая обязательность высшаго нравственнаго закона, мы вынуждены сами для себя, при помощи нашего собственнаго разумнаго сознанія, и пользуясь, лишь какъ совѣтами, указаніями, письменными и устными, другихъ людей прошлаго и настоящаго времени, — выяснять и вырабатывать для себя наше собственное, новое и самостоятельное отношеніе къ различнымъ вопросамъ жизни.

Понятно, что при этомъ каждому изъ насъ не удастся выяснитъ и установить все сразу, до малѣйшихъ подробностей, и что многіе ошибаются и увлекаются при выясненіи тѣхъ или другихъ частныхъ вопросовъ.

Мы надѣемся, что въ настоящемъ отдѣлѣ нашего журнала подобные вопросы будутъ свободно разбираться, и что обсужденіе ихъ — поможетъ постепенному совмѣстному выясненію истины.

Считаемъ при этомъ необходимымъ съ самаго начала заявить, что, въ отличіе отъ остальнаго содержанія нашего журнала, мы, какъ редакция, не признаемъ себя обязательно согласными со всеми тѣми мыслями, которыя будутъ появляться въ этомъ отдѣлѣ. Здѣсь каждый изъ пишущихъ отвѣчаетъ лишь за себя и высказываетъ только свое личное мнѣніе.

Очень надѣемся, что сочувствующіе нашей цѣли читатели, имѣющіе какіе либо вопросы, которые они считаютъ желательнымъ предложить на обсужденіе, — воспользуются этимъ отдѣломъ нашего журнала.

Въ будущемъ выпускѣ мы намѣрены помѣстить здѣсь краткій списокъ вопросовъ, заслуживающихъ, какъ намъ кажется, такого обсужденія. Въ настоящемъ же номерѣ мы ограничиваемся нижеслѣдующимъ предложеніемъ по поводу всеобщей мирной стачки, обсужденіе котораго понятенъ, мы надѣемся, въ этомъ же отдѣлѣ въ дальнѣйшихъ выпускахъ «Свободнаго Слова».

О всеобщей мирной стачкѣ.

Борьба съ православіемъ и самодержавіемъ должна заключаться въ спокойномъ, твердомъ и рѣшительномъ отказѣ отъ православія и самодержавія и всѣхъ ихъ дѣлъ, особенно отъ исполненія православныхъ обрядовъ и воинской повинности, какъ дѣйствій, посредствомъ которыхъ, какъ посредствомъ страшныхъ

шувальцевъ, православно-самодержавное чудовище главнымъ образомъ и порабащаетъ русскій народъ и сосетъ его кровь...

Для того же, чтобы эта борьба съ православно-самодержавнымъ деспотизмомъ была успѣшна, надо дѣйствовать не только каждому отдѣльно, но также и всѣмъ вмѣстѣ, дружно, согласно и одновременно, т. е. надо употреблять въ дѣло уже испытанное средство борьбы рабочихъ съ своими притѣснителями, имя которому *стачка*.

Такъ какъ опыты рабочихъ стачекъ, особенно западно-европейскихъ и американскихъ, показываютъ, что самыя успѣшныя и плодотворныя стачки бываютъ лишь тогда, когда онѣ *всеобщы* и *мирны*, какъ напримѣръ стачки, бывшія въ Швеціи, въ Бельгіи, Голландіи, Галиціи, Америкѣ, то и мы должны устроить *всеобщую мирную стачку* противъ православія и самодержавія.

Само собою разумѣется, что стачка эта можетъ быть устроена лишь тѣми, которые уже не вѣрятъ ни въ православіе, ни въ самодержавіе. Къ счастью, въ Россіи такихъ людей уже очень много, и число ихъ непрерывно возрастаетъ, но они представляютъ собою пока только скрытую, не дѣйствительную силу, потому что, за небольшимъ исключеніемъ, не рѣшаются дѣйствовать открыто. А тѣ изъ нихъ, которые рѣшаются на это, представляютъ собою, благодаря своей разрозненности, силу далеко недостаточную для уничтоженія православно-самодержавнаго деспотизма.

Вотъ для того именно, чтобы дать возможность проявиться скрытымъ силамъ и сплотиться имъ и разрозненнымъ силамъ въ одну общую и грозную силу противъ этого деспотизма, и нужна стачка.

Силы для стачки уже имѣются. Остается только согласиться устроить ее и, какъ метлою, смести ею вѣковой соръ съ лица земли русской...

Думаю даже, что конецъ этому деспотизму наступилъ бы и сейчасъ, если бы все тѣ миллионы русскихъ людей, которые не вѣрятъ уже въ православіе, и все тѣ, которые считаютъ военную службу грѣхомъ или просто дурнымъ дѣломъ, рѣшились бы сейчасъ открыто, дружно и одновременно отказаться отъ православія и военной службы.

Для этого не надо даже выходить на улицы, совершать демонстраціи, строить баррикады и производить насиліе надъ представителями православія и самодержавія, а нужно только одно: всѣмъ спокойно, но твердо, рѣшительно и одновременно отказаться отъ повиновенія имъ и съ этого дня не принимать въ ихъ дѣлахъ уже никакого участія, о чемъ и заявить имъ устно или письменно...

Вѣдь само правительство сознается въ своемъ безсиліи передъ мирной стачкой. Во время грандіозныхъ мирныхъ стачекъ петербургскихъ рабочихъ въ 1896—97 г., которыя принудили царя издать законъ о сокращеніи рабочаго дня, петербургскій градоначальникъ произнесъ слѣдующія знаменательныя слова: «дайте мнѣ 60,000 рабочихъ-противниковъ на открытомъ полѣ и я съ ними справлюсь, но противъ десятковъ тысячъ рабочихъ, мирно сидящихъ по домамъ, я безсиленъ»...

У Л. Н. Толстого есть разсказъ о томъ, какъ были убраны съ дороги громадный камень, мѣшавшій движенію. Были предложены разные для этого проекты. Одни говорили, что надо пороховъ взорвать этотъ камень и куски его свезти по частямъ, что должно было стоить очень дорого. Но вотъ пришелъ одинъ мужичекъ и, условившись сдѣлать это за дешевую плату, вырылъ просто подъ камнемъ яму, и камень самъ собою свалился въ нее и очистилъ дорогу.

То же самое слѣдуетъ сдѣлать и намъ съ навалившимся на насъ страшнымъ камнемъ православно-самодержавнаго деспотизма. Не пороховъ, динамитомъ и вооруженнымъ возстаніемъ, покупаемымъ всегда дорогою цѣною человѣческой жизни, надо его изрывать, а просто подрыть подъ нимъ яму, т. е., — перестать поддерживать его собою, и онъ самъ собою свалится въ нее, и мы будемъ свободны.*)

И. Трубецкой.

Свѣдѣнія о Левѣ Николаевичѣ Толстомъ.

(Составлено В. Чертковымъ).

Въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ Левъ Николаевичъ въ общемъ пользовался удовлетворительнымъ состояніемъ здо-

*) Настоящее письмо составляетъ только отрывокъ изъ большой статьи которую я надѣюсь напечатать 'отдѣльно. И. Т.

ровья, которое было одно время нарушено случайнымъ ушибомъ ноги. Во время одной изъ его обычныхъ прогулокъ верхомъ, лошадь наступила ему на ногу, причинивъ сильный ушибъ, временно вызвавший воспаление на костяной серьезнаго характера, но, къ счастью, непродолжительное. Последнее время онъ опять, какъ самъ выражается, такъ здоровъ и бодръ, какъ только возможно для человѣка его лѣтъ; и по временамъ даже чувствуетъ себя гораздо моложе. По обыкновенію онъ поражаетъ всѣхъ своею удивительною жизненностью физическою и душевною.

Онъ продолжаетъ быть занятымъ самыми разнообразными писаніями. Недавно онъ написалъ нѣсколько сказокъ или легендъ, которыя, мы надѣемся, въ непродолжительномъ времени выйдутъ въ свѣтъ.

Изъ его частной переписки за последнее время мы приводимъ слѣдующія выдержки:

1.

... Вы не понимаете, что значитъ слово «Богъ», и упоминаніе этого слова всегда раздражаетъ васъ. Изъ этого вы заключаете, что «пора человѣчеству перестать говорить о Богѣ, котораго никто не понимаетъ».

То, что васъ раздражаетъ употребленіе слова, значеніе котораго вы не понимаете, очень естественно. Это всегда такъ бываетъ. Выводъ же вашъ о томъ, что никто не понимаетъ того, что есть Богъ, потому что вы этого не понимаете, по меньшей мѣрѣ страненъ. То, что всегда все человѣчество употребляетъ это слово, нуждаясь въ этомъ понятіи, должно бы было навести васъ на мысль, что виновато не человѣчество, а вы — тѣмъ, что не понимаете того, что понимаетъ все человѣчество, или огромное большинство, и что поэтому вамъ надо не совѣтовать человѣчеству перестать говорить о Богѣ, а самому постараться понять то, чего вы не понимаете.

Каждый человѣкъ такъ же, какъ и вы, не можетъ не сознавать себя частью чего-то безконечнаго. Вотъ это-то *безконечное, котораго человекъ сознаетъ себя частью*, и есть Богъ.

Для людей непросвѣщенныхъ, къ которымъ принадлежитъ огромное большинство такъ называемыхъ ученыхъ, не понимающихъ ничего, кромѣ матеріи, Богъ будетъ безконечная въ пространствѣ и времени матерія. И такое представленіе о Богѣ будетъ очень нелѣпо, но все-таки у нихъ будетъ свой, хотя и нелѣпый, но все-таки Богъ. Для людей же просвѣщенныхъ, понимающихъ, что начало и сущность жизни не въ матеріи, а въ духѣ, Богъ будетъ то безконечное, неограниченное существо, которое они сознаютъ въ себѣ въ ограниченныхъ временемъ и пространствомъ предѣлахъ.

И такого Бога сознавало и признавало, и признаетъ и будетъ признавать человѣчество всегда, если только оно не обратится въ скотское состояніе.

2.*)

... Вы говорите, что вамъ невозможно вѣрить въ Бога-творца, сотворившаго человѣка и всѣ существа, подверженныя болѣзнямъ, борьбѣ, страданіямъ.

Но понятіе о Богѣ-творцѣ есть старое суевѣріе, вѣрить въ которое не только излишне, но очень вредно. Мы не имѣемъ никакого права воображать себѣ Бога-творца.

Все, что мы можемъ утверждать, это то, что мы существуемъ среди міра, представляющагося намъ безконечнымъ въ пространствѣ и времени, и что основа нашей жизни есть нѣчто невещественное. Мы сознаемъ это начало въ самихъ себѣ въ ограниченномъ состояніи, и вслѣдствіе этого не можемъ не имѣть представленія объ этомъ невещественномъ началѣ, не ограниченномъ, не подверженномъ условіямъ времени и пространства. Это-то начало мы и называемъ Богомъ.

Эта основа нашей жизни не можетъ быть ни доброй, ни злой. Она то, что есть: «тò ё». То, что мы называемъ «зломъ», есть лишь наше невѣдѣніе послѣдствій того, чего мы видимъ только причины.

Истинное ученіе жизни, то, которое проповѣдовалось всѣми мудрецами: Буддой, Конфуціемъ, браманами, Лаодзе, Исаіей и Иисусомъ, — состоитъ въ сознаніи невещественнаго начала, составляющаго нашу жизнь. И только на сознаніи этого начала можетъ быть основана и дѣйствительно основана моя вѣра въ мое существованіе — не будущее, а вѣчное. Разъ я убѣж-

денъ, что жизнь состоитъ въ сознаваемомъ мною невещественномъ началѣ, признаваемомъ мною моимъ истиннымъ «я», я уже не могу вѣрить въ уничтоженіе этого вѣвременнаго и вѣпространственнаго «я».

Представленіе о смерти есть только заблужденіе, вызываемое ложнымъ представленіемъ о томъ, будто истинное «я» человѣка есть его вещественная оболочка.

Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, причины, заставляющія меня думать, что смерть не есть зло, но — измѣненіе формы, могущее быть только прогрессомъ въ жизни; точно такъ же, какъ, по моимъ наблюденіямъ, и все то, что происходитъ во время этого существованія во мнѣ и во всѣхъ существахъ.

3.

... Стихъ Іоанна III, 13,*) по моему мнѣнію означаетъ то, что каждый человѣкъ есть сынъ Божій, и въ каждомъ есть частица божества. Стѣдующіе же два стиха означаютъ то, что эта частица Бога, находящаяся въ каждомъ человѣкѣ, должна быть возвеличена въ каждомъ изъ насъ, и это возвеличеніе избавитъ насъ отъ всѣхъ золъ, какъ избавляла возвеличенная змѣя въ пустынѣ.

Смыслъ тотъ, что человѣкъ долженъ сознать себя сыномъ Божиимъ, а также и всѣхъ другихъ людей. Только бы человѣкъ понималъ и помнилъ кто онъ, онъ не унижалъ бы, не осквернял бы своего достоинства пошлыми, низкими заботами и дѣлами. А если бы помнилъ, что такой же сынъ Божій каждый человѣкъ, — не позволялъ бы себѣ оскорблять и презирать людей — сыновъ Божіихъ и своихъ братьевъ.

Въ этихъ стихахъ сущность ученія Христа...

4.

Объ еврейскихъ погрѣмахъ.

...Если дѣти спрашиваютъ о томъ, хорошо ли поступаютъ тѣ, которые разрушаютъ, грабятъ имущество своихъ ближнихъ и мучаютъ и убиваютъ ихъ? — то отвѣтъ только одинъ: что такіе люди великіе преступники, нарушающіе главный законъ Бога братства всѣхъ людей и любви между собою.

Если же они спрашиваютъ, кто виноватъ въ этомъ злодѣяніи? — то я отвѣчалъ бы, что виновато русское правительство, во-первыхъ, тѣмъ, что лишаетъ евреевъ самыхъ первобытныхъ и естественныхъ правъ и дѣлаетъ изъ нихъ особую касту; во-вторыхъ, тѣмъ, что внушаетъ русскому народу идолопоклонническую религію, называемую христіанскимъ православіемъ, и, скрывая отъ народа истинное христіанство, всячески извращаетъ его.

Если же они спрашиваютъ, что дѣлать евреямъ, чтобы избавиться отъ такихъ бѣдъ? — то я бы отвѣтилъ, что евреямъ надо дѣлать то, что слѣдуетъ дѣлать всегда всѣмъ людямъ и въ особенности во времена бѣдствій, т. е. испытаній: стараться все яснѣе и яснѣе познавать законъ Бога и все болѣе и болѣе исполнять въ жизни единый и вѣчный законъ Бога единенія и любви, выражаемый въ изреченіи о томъ, чтобы поступать съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобою.

Вотъ тѣ отвѣты, которые я могу дать на вопросы ваши и вашихъ учениковъ. Очень буду радъ, если они удовлетворятъ васъ и ихъ.

Библиографія.

По поводу книжки: „Ученіе духовныхъ христіанъ“, изданія „Библіотеки Народныхъ Листковъ.“

Если кому нужно принять лекарство очень противнаго вкуса, — на примѣръ ложку кастороваго масла, — то для этого существуетъ превосходное средство, при которомъ вкусъ лекарства вовсе не ощущается. Надо влить масло въ стаканчикъ пѣнистаго пива и залпомъ выпить. Въ стаканѣ масло располагается между пивомъ и пѣной; и если удачно, все сразу проглотить, то во рту остается вкусъ одного только пива.

*) По Синодальному Евангелію содержаніе разбираемыхъ здѣсь стиховъ слѣдующее: „13. Никто не восходилъ на небо, какъ только сошедшій съ небесъ Сынъ Человѣческій, сущій на небесахъ. 14. И какъ Моисей вознесъ змѣю въ пустынѣ; такъ должно вознестись Сынъ Человѣческій, 15. Дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную.“ Въ краткомъ изложеніи Евангелія Л. Н. Толстого мнѣ это переведено такъ: „На небѣ вѣдь никто не былъ, а есть только на землѣ человекъ, сошедшій съ небесъ и самъ небесный. Вотъ этого-то самаго небеснаго сына въ человѣкѣ и надо вознестись, чтобы всякій вѣрилъ въ него и не погибалъ, но имѣлъ бы жизнь вѣчную.“ Ред.

*) Оригиналъ этого письма былъ написанъ по-французски. Мы приводимъ выдержку изъ него въ точномъ переводѣ. Ред.

Ничто, похожее на это, бывает тогда, когда человек желает заставить других согласиться с чьм-нибудь особенно скверным и нравственно противным. Выскажи он свою мысль прямо и откровенно, — она сразу оттолкнула бы людей. Но заверни он ее половичком в какую-нибудь несомненную истину, доверчивые люди, задобренные истиною, могут не замечать подмешанной к ней лжи и принять все вместе за нечто хорошее.

Способ этот с испокон веков употребляется всякими обманщиками. Так например, для поддержания зла государственного насилия существует, как известно, целое, особое учреждение, — «церковь», — задача которой состоит в том, чтобы таким именно способом обманывать народ. Для этого церковь пользуется самым высоким из всех известных людям религиозных учений, — учением христианским, с которым в душе своей согласен всякий неразвращенный человек. Она притворяется, что исповедует это учение, подмешивает к нему свою ложь о том, будто государственная власть установлена самим Богом, и в таком подделанном виде преподает это учение людям. Простодушные люди, не замечая обмана и вместе с истиною принимают за одно и примешанную к ней ложь.

Против существующего государственного строя борются, так называемые, революционеры. В способах своей борьбы они следуют по стопам правительства, стараясь водворить новые порядки все тем же старым, насильственным путем. Последовательные, искренние революционеры всегда откровенно и решительно высказываются против христианской религии, отлично понимая, что она не допускает насильственной борьбы. Но, последнее время, некоторые из революционеров стали также подражать правительству и в подделке христианского учения. Они стали доказывать, что учение это оправдывает и освящает вооруженную борьбу между людьми. Такова, по крайней мере, деятельность революционного книгоиздательства, недавно основанного в Швейцарии под фирмой „Народных Листков“. В своих книжках это издательство постоянно ссылается на христианское учение и приводит выдержки из писаний Толстого, этим привлекая внимание религиозных людей из русского народа, преимущественно — сектантов. Но вместо истинного христианства, основанного на любви, братстве и единении между людьми, издательство „Народных Листков“ подсовывает свою проповедь вражды, насилия и убийства.

Одну из первых брошюр этого издательства мы уже вкратце рассмотрели в № 1 нашего журнала. В этой книжечке указывается на уличные бунты, драку и резню, как на самое прекрасное средство для установления хороших общественных порядков. После того это же самое издательство выпустило целый ряд брошюр, в которых оно выставляет вооруженное возмущение против правительства, как святое, божеское дело. Вместе с тем в книжках этих распускается всякая клевета против тех людей, которые не одобряют насильственной революции. Недавно в этой же серии появилась новая книжка под заглавием: „Учение духовных христиан“, о которой нам и хочется сказать несколько слов.

Книжка эта так двусмысленно составлена, что с первого взгляда она легко может ввести читателя в заблуждение. Вся первая ее половина содержит много справедливого и хорошего. Правда высказаны эти хорошие мысли несколько бездушно и безвязно — как бывает, когда человек повторяет чужие слова, им самим не прочувствованные. Но все же мысли эти сами по себе так хороши, что, даже и в таком изложении, они говорят сами за себя и привлекают сочувствие читателя. В особенности справедливой и важной показалась нам одна мысль, которая ярко выступает во всем изложении, — а именно мысль о том, что «буква убивает, а дух животворит». Вот что по этому поводу говорится в одном месте: «Всякая правда и истина могут быть найдены человеком лишь в своем сердце и своем собственном разумѣ... Человеку необходимо вознестись и возвеличить в себе свое разумѣ, благоговѣнно относиться к тому, что сам человек признает в себе наивысшим и священным, и постоянно согласовывать свои поступки с указаниями этого наивысшего и священного... Заповѣди же и правила писанного закона — менее важны и второстепенны, чем не толь-важно отношеніе писанного закона къ известному поступку, сколько важно отношеніе къ этому поступку разумѣнія — того внутренняго свѣта въ человѣкѣ, который одинъ способен и долженъ рѣшить вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли совершить

известный поступокъ, или же слѣдуетъ отъ него воздержаться.» Прекрасная мысль эта, заимствованная главным образом у Л. Н. Толстого, повторяется в книжках много разъ. И нельзя не сочувствовать ей от всей души, в особенности в виду того, что даже у людей, освободившихся от православного суевѣрія, часто остается слишком большое преклоненіе передъ буквою писанія, и слишком мало довѣрія къ внутреннему голосу божьему въ своей душѣ.

Но если дѣло коснулось значенія внутренняго разумѣнія, то необходимо было тут же выяснить, въ чемъ именно заключается это разумѣніе? Какъ отличить въ своей душѣ «наивысшее и священное» отъ низменнаго и плохого? Не все же наши желанія можно признать одинаково хорошими. Бываютъ у насъ стремленія чистыя, духовныя; но вѣдь бываютъ также и низкія и безнравственныя. Если меня кто ударитъ или обидитъ, то сначала мнѣ хочется отвѣтить ему тѣмъ же, хочется отомстить, наказать. Но въ душѣ своей я слышу другой голосъ, говорящій, что слѣдуетъ прощать обиды и воздавать добромъ за зло. Которому же изъ этихъ двухъ совершенно противоположныхъ побужденій, сознаваемыхъ мною въ самомъ себѣ, слѣдуетъ отдать предпочтеніе? Какъ вообще распознать въ себѣ и усилить тотъ «внутренній свѣтъ», о которомъ говорится въ этой книжкѣ? На все эти важнѣйшіе вопросы мы тамъ не находимъ даже и попытки отвѣта. Читаешь дальше и удивляешься, почему такъ часто повторяется на разные лады все одно и то же указаніе на «внутренній свѣтъ», и ни разу не объясняется, въ чемъ собственно онъ состоитъ?

И только дочитавши все до конца, смекаешь въ чемъ дѣло. Оказывается, что составлена вся книжка вовсе не для выясненія истиннаго разумѣнія; а для того, чтобы увѣрить читателей, что необходимо устроить насильственное возмущеніе противъ правительства, другими словами — братоубійственную, междоусобную рѣзню. Въ этомъ настоящая цѣль всего разсужденія. А все остальные прекрасныя слова о «наивысшемъ» въ человѣкѣ, о «внутреннемъ свѣтѣ» и тому подобномъ, разсыпанныя по книжкѣ, — все это, на проверку, только приманка, чтобы задобрить читателя, — только пиво, которымъ стараются заглушить слишкомъ противный вкусъ того, что хотятъ заставить его проглотить.

Но въ книжкѣ этой не только выдается за ученіе Христа то, что совершенно противно этому ученію; кромѣ того вся книга написана какъ бы отъ лица какихъ-то «духовныхъ христианъ». На самомъ же дѣлѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльных мыслей, заимствованныхъ у русскихъ сектантовъ и у Толстого, основная часть содержанія просто излагаетъ самые обыкновенные «революціонные» взгляды, которые нравятся составителю книжки въ его теперешнемъ настроеніи. Не хватило ли у него мужества самому подписаться подъ своими словами, или же онъ думалъ, что, выдавъ ихъ за вѣроисповѣданіе особаго разряда «христианъ», онъ сдѣлаетъ свои разсужденія болѣе привлекательными для русскихъ сектантовъ, — рѣшать этого мы не беремся. Знаемъ только, что у насъ сохранилось болѣе раннее изложеніе, рукописное, „Ученія духовныхъ христианъ“, дѣтъ 15 тому назадъ ходившее по рукамъ въ Россіи. Люди, которыхъ тамъ называютъ «духовными христианами», выставлены противниками всякаго насилия человека надъ человекомъ. И книжка была тогда полна такихъ разсужденій, которыя самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждаютъ всякое насиліе. Теперь же, все эти мѣста уничтожены и «духовные христиане» описываются, какъ ярые революціонеры. Въ дѣйствительности, никакого особаго разряда сектантовъ, называемыхъ «духовными христианами», и не существуетъ. Есть люди, болѣе или менѣе *духовно* понимающіе евангельское ученіе, изъ которыхъ нѣкоторые иногда называютъ себя духовными христианами. Но убѣжденія и взгляды ихъ на различные вопросы жизни такъ разнообразны, что говорить за нихъ за всехъ огульно никто не имѣетъ права.

Если бы составитель этой книжки высказалъ свои взгляды просто отъ своего собственнаго лица, не скрываясь за чужой шиной, то онъ, по крайней мѣрѣ, поступилъ бы прямо и честно. Но выдавать свою революціонную проповѣдь за ученіе «христианъ», да еще «духовныхъ», — значитъ только прибѣгать къ безсовѣстному подлогу.

Къ счастью, подделка эта слишкомъ замѣтна для того, чтобы ввести въ заблужденіе серьезныхъ читателей, знакомыхъ съ истиннымъ духомъ Христова ученія. Книжки, выпускаемыя издательствомъ „Народныхъ Листковъ“, могутъ, пожалуй, считать

мысли людей съ неустановившимися еще взглядами. Но въ концѣ концовъ правда непременно выйдетъ наружу и, прошедши черезъ горнило обмана, только лучше выяснится и тверже установится въ человѣческомъ сознаниі.

Зато жалко, истинно жалко тѣхъ людей, которые, ради привлеченія народа на свой путь ненависти и насилія, трудятся надъ составленіемъ и распространеніемъ такихъ постыдныхъ поддѣлокъ подъ святое ученіе о любви и братствѣ. Дай Богъ имъ опомниться. «Соблазнамъ надо прійти; но горе тому человѣку, черезъ котораго соблазнъ приходитъ.»

В. Ч.

Вѣсти и слухи.

Въ русской заграничной печати появилось извѣстіе объ отрядномъ и глубоко трогательномъ случаѣ. Сообщаютъ, что во время послѣднихъ киевскихъ беспорядковъ, когда были вызваны войска, какой-то офицеръ вышелъ передъ фронтомъ и сказалъ: «мерзавецъ тотъ, кто будетъ стрѣлять въ своихъ братьевъ.» Солдаты тотчасъ опустили ружья и не стрѣляли, офицеръ же былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму.

Если этотъ слухъ вѣренъ, то мы убѣдительно просимъ нашихъ читателей-киевлянъ сообщить намъ подробности этого случая и фамилію этого офицера, а также и о томъ, какая дальнѣйшая судьба его постигла.

* * *

Намъ сообщаютъ, что въ Саровѣ, вслѣдствіе чрезмѣрнаго скопленія народа около мощей старца Серафима, распространилась эпидемія тифа. Любопытно при этомъ то, что правительство, которое само выдумало эти мощи и такъ усиленно распространяетъ въ народѣ вѣру въ ихъ чудодѣйственныя свойства, — при открытіи эпидеміи, вмѣсто того, чтобы, въ минуту дѣйствительной опасности, воспользоваться цѣлебною силою этихъ прославленныхъ мощей, — поспѣшило откомандировать туда отрядъ врачей.

* * *

Иностранныя газеты сообщаютъ, что извѣстный издатель патристическихъ и православныхъ книжекъ генераль Богдановичъ, пріѣхавъ въ Италію, въ городъ Бари и проситъ продать ему хранящіяся тамъ мощи Николая-Чудотворца. Генераль предлагалъ миллионъ рублей за мощи и получилъ отказъ, что и слѣдовало ожидать, такъ какъ эти мощи, привлекая въ городъ тысячи посѣтителей, приносятъ огромный доходъ и городу, и мѣстнымъ священникамъ. Многіе итальянцы пришли даже въ негодованіе отъ предложенія генерала Богдановича. Имъ, вѣрующимъ въ святость мощей, желаніе генерала купить у нихъ останки Николая-Чудотворца казалось возмутительнымъ торгашествомъ, даже кощунствомъ.

Изреченія разныхъ мыслителей.

Императоры, великіе князья, принцы, фельдмаршалы и другіе тому подобныя страшныя господа вовсе не имѣютъ твердаго желанія видѣть въ своемъ отечествѣ расцвѣтъ промышленности. Имъ нужно нѣчто совершенно другое; имъ нужны крестьяне, до такой степени изголодавшіеся, чтобы въ поступленіи въ солдаты видѣть улучшеніе своей участи, и настолько поработанные, чтобы по приказанію они разстрѣливали своихъ собственныхъ братьевъ, не спрашивая, для чего это нужно. *Лордъ Дерби.*

* * *

Одно убійство дѣлаетъ человѣка злодѣемъ, тысячи убійствъ создаютъ героя. *Эразмъ.*

* * *

Постоянное войско было создано подъ предлогомъ защиты отъ иноплемениковъ, на самомъ же дѣлѣ для угнетенія обывателей. *Руссо.*

* * *

Военный духъ. Подъ этимъ словомъ нерѣдко подразумѣваютъ казарменный духъ, то есть умственные способности, необходимыя, ну хотя бы для игры въ домино. Настоящій же военный духъ это тотъ, который открываетъ намъ лучшій способъ жить, грабить, убивать и въ то же время приучать другихъ людей къ такимъ же дѣйствіямъ. *Буше де Пертесъ.*

* * *

Казарма — это школа преступленія. *Анатоль Франсъ.*

* * *

Постоянное войско было и всегда будетъ бичемъ для свободы. *Мирабо.*

Нѣтъ болѣе отечества, когда исчезла свобода! *Шатобрианъ.*

* * *

Родъ человѣческій будетъ продолжаться; отечество должно исчезнуть. *Дидеро.*

* * *

Народности должны слиться, чтобы составить одно великое цѣлое, которое уничтожитъ границы. *Швейрейль.*

Почтовый ящикъ.

— Въ выпускѣ № 8 журнала „Освобожденіе“, въ отдѣлѣ „Почтовый ящикъ“, появилась слѣдующая замѣтка: „Толстовцу. Сочиненія Толстого, по весьма понятнымъ причинамъ, лучше всякой другой запрещенной литературы проникаютъ въ Россію. Ихъ печатаніе составляетъ специальную задачу издательства В. Г. Черткова, который печатаетъ ихъ и на тонкой бумагѣ.“

По этому поводу считаемъ уместнымъ заявить, что утвержденіе о томъ, будто наши изданія проникаютъ въ Россію лучше всякой другой запрещенной литературы, къ глубокому нашему сожалѣнію, совершенно несогласно съ дѣйствительностью. На самомъ дѣлѣ, наши изданія, встрѣчая со стороны правительства столько же препятствій, какъ и всякая другая запрещенная литература, вмѣстѣ съ тѣмъ не могутъ быть доставляемы въ Россію въ такомъ большомъ количествѣ, какъ многія другія нелегальныя изданія, — по той причинѣ, что мы пока еще располагаемъ, для ввоза транспортовъ въ Россію, гораздо меньшими, въ сравненіи съ нѣкоторыми другими организациями, удобствами какъ со стороны необходимыхъ въ такомъ дѣлѣ участниковъ, такъ и — матеріальныхъ средствъ. Кромѣ того, дѣло это для насъ, хотя и осуществимо, но значительно усложняется, вслѣдствіе нашихъ убѣжденій, не позволяющихъ намъ прибѣгать къ обычнымъ въ такихъ случаяхъ приемамъ обмана и подкупа, свободно употребляемымъ тогда, когда признается что цѣль оправдываетъ средства.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, самъ собой, разумѣется, упраздняется вопросъ о томъ, „понятны“ или нѣтъ подразумѣваемые въ замѣткѣ „Освобожденія“ причины такого факта, который на самомъ дѣлѣ не существуетъ.

— Въ отвѣтъ на получаемые нами многочисленныя запросы о томъ, какими путями возможно получать въ Россію наши изданія въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ почтовыхъ конвертахъ, (которые, кстати сказать, послѣднее время стали очень плохо доходить по назначенію), — мы можемъ только сказать, что доставленіе въ Россію нашихъ изданій всецѣло зависитъ отъ предпринимчивости и самоотверженія сочувствующихъ этому дѣлу лицъ, живущихъ въ самой Россіи. Мы же, съ своей стороны, живя за границей въ вынужденной оторванности отъ Россіи, дѣлаемъ все, что въ состояніи сдѣлать, приготовляя эти изданія и предоставляя ихъ бесплатно тѣмъ друзьямъ, которые берутся доставить ихъ въ Россію.

Получая постоянное подтвержденіе того, что сочувствіе къ тому пониманію жизни, литературнымъ представителемъ котораго является Л. Н. Толстой, неуклонно разрастается какъ за границей, такъ и въ Россіи, мы не сомнѣваемся въ томъ, что приближается время, когда русскіе люди будутъ прилагать къ ввозу въ Россію и распространенію тамъ его писаній по меньшей мѣрѣ столько же усилій и самоотверженія, сколько до сихъ поръ прилагалось къ распространенію текущей „революціонной“ литературы. Когда именно настанетъ это время, предсказать, разумѣется, нельзя; но мы увѣрены въ томъ, что, рано или поздно, время это настанетъ такъ же неминуемо, какъ день наступаетъ послѣ ночи. И потому съ радостной вѣрой въ цѣлесообразность этой работы мы продолжаемъ усиленно осуществлять нашу издательскую задачу, питая чувства самой живой признательности ко всѣмъ тѣмъ, кто такъ или иначе намъ помогаетъ.

— Помѣщаемыя нами въ настоящемъ выпускѣ записки Еремѣя Чебана, написанныя имъ для насъ, являются лишь сокращеннымъ имъ самимъ изложеніемъ его болѣе подробныхъ записокъ, хранящихся въ нашей редакціи. Эти подробныя записки представляютъ весьма выдающійся интересъ въ бытовомъ и общественномъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ въ настоящее время необходимыхъ средствъ для изданія ихъ въ нашей серіи „Листковъ для народа“. Поэтому онѣ могутъ быть изданы, — равно какъ и другой въ высшей степени содержательный матеріалъ по сектантскому вопросу, — лишь въ томъ случаѣ, если кѣмъ-либо изъ сочувствующихъ нашему издательству лицъ будутъ для этой цѣли пожертвованы нужныя средства.

В. Ч.

Содержаніе.

Отказъ адвоката Нэна отъ воинской повинности въ Швейцаріи, *П. Бирюкова* (1). — Ограниченное самодержавіе (5). — Гоненія на сектантовъ, *И. Треубова* (6). — Почему я оставилъ православную вѣру? Изъ записокъ крестьянина Еремѣя Чебана (8). — Голосъ изъ народа (11). — Дисциплинарный батальонъ (13). — Письмо отъ Канадскихъ духовоборовъ (16). — Мысли Л. Н. Толстого (изъ неизданныхъ источниковъ) (16). — Насильственная революція или христіанское освобожденіе? продолженіе, *В. Черткова* (20). — Отечество (съ французскаго) (23). — Обмѣны мыслей. (О всеобщей мирной стачкѣ) (25). — Свѣдѣнія о Львѣ Николаевичѣ Толстомъ, составлено *В. Чертковымъ* (26). — Библиографія, *В. Ч.* (28). — Вѣсти и слухи (31). — Изреченія разныхъ мыслителей (31). — Почтовый ящикъ (32).

Въ этомъ номерѣ 2 печ. листа (32 столбца). Каждый выпускъ „Свободнаго Слова“ печатается въ тройномъ видѣ: 1) на толстой бумагѣ, въ обложкѣ; 2) на тонкой бумагѣ, безъ обложки, удешевленное изданіе; и 3) на самой тонкой бумагѣ и въ уменьшенномъ форматѣ для доставки въ Россію.

Разсматривается бесплатно каталогъ изданій „Свободнаго Слова“, содержащій болѣе 80 наименованій.

Типографія издательства „СВОБОДНОЕ СЛОВО“. Christchurch, Hants, England, Англія.